

АЛЕКСАНДР САМАРЦЕВ ТАМ И НАЧНУСЬ

Александр
САМАРЦЕВ

ТАМ
И НАЧНУСЬ

БИБЛИОТЕКА «КРЕЩАТИКА»
ПОЕЗІЯ, ПРОЗА, ПУБЛІЦИСТИКА

ДРУКАРСЬКИЙ ДВІР
ОЛЕГА ФЕДОРОВА

Александр
САМАРЦЕВ

ТАМ И НАЧНУСЬ

Друкарський двір
Олега Федорова
Київ, 2025

УДК 821.161.1'06(477)-31

С 17

СЕРІЯ «Библиотека “КРЕЩАТИКА”»

Заснована у 2023 році

Самарцев А.

С 17 Там и начнусь / А. Самарцев — Друкарський двір Олега Федорова.
Київ, 2025 — 240 с.

ISBN 978-617-8484-09-5

Александр Самарцев родился в Москве. Окончил Куйбышевский Авиационный институт и два курса заочной режиссуры Театрального училища им. Щукина. В настоящую книгу, фактически избранное, включены поэмы и стихи почти за полвека, оригиналы или вариации того, что входило в «Ночную радугу» (1992), «На произвол святынь» (1996), «Часть встречи» (2011), «Конца и края» (2014), SMS (2016), «Сейчас», «Вернадского 15», «Клинч» (все — 2020) и «Легион» (2024), а также совсем новые.

Кроме «Юности» стихи публиковались в «Новом мире», «Детях Ра», «Новом журнале», «Южном сиянии», «Эмигрантской лире», «Интерпоэзии», других печатных и сетевых изданиях. Активный участник семинаров Евгения Винокурова и Кирилла Ковальджи, на последнем сблизился с кругом метаметафористов (Жданов, Парщиков, Арабов, Искренко), пройдя через эту школу сохранил самобытное лирическое начало, но в усложнённой поэтике, особое внимание уделяя чувственной стороне формы.

С 2015 года гражданин Украины, жил в Киеве, Одессе (родном городе отца) и снова в Киеве.

УДК 821.161.1'06(477)-31

ISBN 978-617-8252-14-4 (серія БК)

ISBN 978-617-8484-09-5

© Самарцев А., 2025

© Федоров О.М., видавець, Київ 2025

«КРУГАМИ СВЕРБЯ ЧУДЕН ГОЛОС...»

Сначала понравилась работа с датами. Самарцева читаю давно и с интересом, но то ли раньше он так не делал, то ли я не замечал. Хотя если подписано «девяностые» или «1983, 1995, 2010, 2015», «1989 и тд» наверняка — приём не новый для автора. Но именно даты зацепили. Даты написания не под каждым текстом, сыграли роль первичных фасцинаций. Стало интересно: нет ли в расстановке чисел тайного смысла?

Читательская последовательность действий мало меняется в зависимости от эпох и перемены медиа. Временно отставив цифирные штудии, начал искать любимые цитаты. Однако ни вынесенной мной в заголовок строки «Кругами свербя чуден голос неведомо чей», ни «Мать-мачеха бдит безнадежна грибница контроля» автоматизированный текстовый поиск не обнаружил.

Отчего я искал именно эти фрагменты? Во-первых, они хорошие. Первый отправляет к гоголевскому Днепру. И оттуда во времена нынешние стартует полёт уже совсем свободный, ровный, похожий на жуткий ночной сон, где одновременно идёшь в разные стороны. И проснуться-то хочется, и жаль будет не узнать, чем всё завершится.

Коннотации второй цитаты сложнее. Коннотации явно от Юрия Арабова («Покуда Москвы полуримский стоит Капитолий...»), а система образов отсылает к Александру Ерёмченко («Корабельные сосны привинчены снизу болтами...»). Далее вновь мысль читательская уносится в стороны, подобно разящим по осени паутинкам.

Додумывать за поэта, прежде всего, — неумно, да и компания близких по духу собратьев вполне прежняя: Парщиков, Ерёмченко, Иртеньев, Пастернак, Вознесенский, Самойлов, Винокуров, Тавров, и позиция выражена, когда необходимо, вполне однозначным образом. Достаточно прочесть, скажем «Третий фронт»: там всё откровенно и прямо.

И всё время ловишь себя на странной радости: ждал от стихов определённых впечатлений, получил совсем иные, а при этом доволен! Как так получается? Сочинял бы рецензию — непременно попробовал разобраться б. Но предисловие к таким изыскам не обязывает. Моё — о крайне личном и необъективном удивлении. Книгу я прочёл несколько раз. Если честно: дважды полностью и понемножечку частями. Ради установления сюжета. Который возникает на перекрестье авторской воли и нашего домысливания.

Формальная автобиография (в том смысле, какой данному понятию позволяет авторский произвол) пунктиром спрятана в середину томика. Первая же часть, являет своеобразные рифмы меж ранними стихами и текстами о детстве-юности лирического позднего написания. Разница кажется вполне приметной.

Зато дальше — сплошные загадки и сад расходящихся лирических тропок, обрываемых самым неожиданным образом. Скажем, стихотворение, начавшееся словами «Кукует к вечности готовясь...» — когда написано? Если очень давно, становится немного жаль упущенной возможности. Не в смысле, что поэт состоялся как-то не так, но в плане, мол, была в его таланте ещё и нота, не получившая развития. Никто подобной ноты не затрагивал, а возможности удивительные. Хотя... потрогал ботинком некую дорожку, убедился, что чужая, отправил себя в сторону иную.

Схожим образом прерванных линий в книге много. Прерваны они добровольно. Зачем? Давайте предположим, что сделано сие по той же причине, по какой отсутствуют упомянутые в начале предисловия любимые стихотворения, слишком уж отсылавшие к некоторым направлениям и тенденциям.

С третьей стороны, Самарцев — поэт абсолютно самостоятельный. Можно привести немалый перечень ссылок на авторитетные мнения, отмечавшие, что у Самарцева непременно присутствуют архаизмы и анахронизмы. Так вот: в этой книге их тоже нет! Вернее, есть, но совершенно иные. Скажем, автомобиль «полторка», соотносимый, скорее, со временами Второй Мировой, но в тексте, датированным 1984-м годом — разве не анахро-

низм? Он другого рода, не филологического. Хотя чего в жизни не бывает? В 2021-м во многих сибирских областях сняли с хранения ЗИЛы-130. И катались они новенькие, синенькие — будто Гагарин всё ещё летает и коммунизм немножко наступил.

Многое ж и в самом деле не меняется. К примеру: «По улочке Обороны/ помоечны огороды».

Правда ж, дважды-трижды в году всякий огородик выглядит похожим на свалку — как ни обихаживай его. Такие моменты, задающие пересечения авторского взгляда и общеупотребительного направления видеть, в книге мелькают, будто вешки, означающие, думаю, гипотетические встречи с читателем довольно абстрактным, но однозначно существующим, а то — и с очень конкретным. К примеру: Москву видели кто-то почаще и подольше, кто-то совсем мельком. Однако некий образ столицы имеет почти любой. И со своей точки зрения может авторские позиции (именно так, во множественном числе, ибо Москва у Самарцева огромна и разнообразна) принимать или отвергать. Но вот в тексте упомянут трос через речку Юг в Никольске. И я тоже видел этот трос! То есть, почти наверняка — другой трос (время и вода верёвок не щадят). Но тоже протянутый через Юг в том же Никольске. Понятно: для подобных ощущений должен заинтересовать текст, как факт, а не только в нём приметный образ. Но ведь получилось же как-то это всё!

Или другое: вот скопилось на станции «товарняков — как будто из Гомера». Первая ассоциация, разумеется, про мало кем дочитанный до финала список кораблей, но вторая — всё равно про товарные и пассажирские составы из Александра Ерёменко. Другое дело, что прямых ассоциаций и обращений к метаметафорам у автора стало меньше.

У Самарцева получилось, конечно же, «Избранное». Но весьма оригинально избранное избранного. Может, оно и не сильно понравится тем, кто к поэту привык. Нет, глубинная основа, всё та же: мир, как метафора. Только глубина этой метафоры переменива.

Или вот «Занесённый шаг». Меня он просто поразил. Полустрочки образуют как бы палиндромы. Хотя на палиндромы на-

мёка нет. Просто всё как-то происходит сразу, одновременно. Сгрудившись: «Это сразу Лобное и Синай». А пять десятилетий перенасыщают тесное пространство. И жасмин цветёт прямо из *тех* Петушков.

И вся книга примерно так. Удивил меня автор. Сильно-сильно. Это замечательно, разумеется!

Андрей Пермяков

АУКНЕТСЯ

* * *

Потерянные — список тех
кто не запомнил:
огнём ползло из всех прорех
огнём запойным

Но поимёнен Божий огонь
над поздним драйвом
бросай спасай нас эконошь —
всяк станет крайним

* * *

Снег снежочек влѣжку
то метлой то в бровь
смертен понарошку
вал за валом вновь
скрипнули перильца
домика под снос
не определился
номер-альбинос
Круг автодозвона
множимая мгла
окунись — бездонна
что уберегла?
База ли пробита
из свободы сплошь
беглого Египта
клинопись-скулѣж
Мечется наружка
вихрем от реки
жив я потому что
а не вопреки
этаже на третьем
окон перепляс
сорвало дверь с петель
блудному сейчас
абажура кисти
линза рам двойных
убиенной жизни
тот же снег-дневник
трением и смазкой
юный жив отец

мамой — с боем Спасской —
студень-холодец
Было было душно
спрячет захлестнёт
лишь снежинкам нужно
прясть за годом год
бегло — из обманов
о шести лучах
из обетованных —
тают и звучат

СОЛНЦЕВОРОТ

Нора ли берлога
медвежья сурка
ни дум ни бывшего
и шёрстка суха
капканные тени
узлы поводки
гул иго цветений
присвой подтолкни
оврага подтёки
терзают лыжню
чей оклик далёкий
прижал — не прижму
к царапине чёрной
вплавляемой в свист
сквозным — ни о чём бы
сплошным «отзовись!»

(1971 и тд)

ВЫПУСКНОЕ

Теперь и впредь
(темы — фиолетовы)
шептать как петь
потому-поэтому
отпереть эпитеты
краски пережимы
вдребезги пленительны
неопровержимы
Душа-бесстыдница
если грозы мыслятся
поперёк грозы
«Я!» — скажи
Воздух ширится
тучей вдохновения
завтра это выльется
содрогнётся выльется
в место-всеимение

(1965)

ШКОЛЕ №92

Стекло протёртое мяучит
страничным жамканным комком
и день зажмурился из лучших
на взлёте на предвыпускном
Крючков с ним в паре Бархударов
благому послужив мытью
зря не серчайте на вандалов
ко всем дурачествам thank you
у них под аритмию хора
дружб вспышки нет каких дерзей
с водой и пеной не разлей
отдраенная зыбь простора

Пилообразен этот звук
усердия макулатуры
свободных тем одной из двух
из рок-н-ролл-рула-те-рулы
в предгрозьях в недолётах мая
вновь запятых не проверяя
я выйду с ломкой на кону
дёрн синей кедой ковырну —
и душу — напросвет взошла
себя же и переполощет
вспорхнувшей тягою грешна
пучины средней и всеобщей

ГУЛ

Через проезжую кроны сплелись
расколыхнуло невод ветвистый
выловлен им трудоголик-флейтист
из неуёмных своих репетиций
Чуть перегнул институт-ледокол
улицу — он и не то ещё может
не миновал чтоб никто не прошёл
мимо — вахтёр (одноглазый сапожник)
к хулиганью равнодушен не столь
как на лоснящейся коже прореха
чётко пинки отпускает: «Доколь?» —
для перекуса же или для эха
жмурясь на солнце крепи табурет
где-то задвигалась пристань Прорана
грейдер со щебнем едва разогрет
в нём и увяз — но задумано рьяно!
Гул от разлива и ветер степной
краны дрожат кирпичами балласта
(профилем лучники) а у пивной
мы и помянем дядь Сашу — горласта
флейта как самая гулкая ветвь
с ней-то ковчег и зароят в Рубёжном
стуком комочков о крышку ответь:
есть что прочней в этом мире надёжном?

* * *

Отпечатывается
каждый встреченный
без напряжения — любой
дорисовывать нечего
лица
вдруг если мелькнут в реале
где-то я вас? ... ах да...
Здравствуйте! Прощайте!
но и зажмурясь не избавляюсь

Лишь самые-самые
всегда невидимы
самые близкие — закрой глаза — не всплывают
растворённые кровью
Не дай Бог ни с того ни с сего
вынуть кого из родных
даже самой липучей памяти это не по зубам —
кровь не прозрачна
хотя и чиста

МАЛАЯ КОММУНИСТИЧЕСКАЯ

Одним карнизом перекрыта улочка
за поперечным — грохот цеховой
едва подпрыгнешь — и в пыли нешуточна
на потолке ладонь всей пятернёй —
приплюснута — мансардна комнатущечка
«Электропровод» сутками зудит
он тоже член семьи (хоть и не слушается)
нетопленной голландки белый стыд
отмыт и горделив — над ним подтрунивая
псевдовенецианское стекло
комода — не мигалка ли патрульная
сигналила? — кого там пронесло?
Из ящика внизу наследство дедово
с пародией грессбуха под отчёт
стихов — ну прямо Надсон — и неведомо
куда всё утекает? Чей здесь год?
Заворожённый краснолесьем почерка
в шлейф строк влетаю — душно от чернил
черёмуховый цвет над ними корчился
хоть в бездну ничего не обронил:
не спят не спят компрессорные хорканья
и скрипы эластичного ремня
опасной бритвой с двух сторон обтёртого
Урал и Днепр прессуются ревмя
перегибают линию брусчатную
асфальтную и млечную а там
без ничего сплошной одной растратой
аукнется по всем своим следам

НА ПАЛОЧКЕ

Съезд XX-й с его тайнами
и с глазурью эскимо
нераздельны орбитальны
сразу всё воспалено
дозу гаммаглобулина
впрыснутого словом «культ»
четвертьправда обнулила
но источник хрен заткнуть
возле Пушкина фонтаны
в «дочки-матери» шипят
из динамы не осанны —
льются и не шоколад
но с лопаточки шершавой
посередке поперёк
корочку разжуй разжалуй
сказку терем-теремок
Вот же — ломкою глазурью
брызги соединены
и картинку приплюсую
настороженной страны
чемодан — углы заклёпки
эти впалые глаза
огляделся шёпот робкий
не понявший ни аза
и ещё спасибо спляшет
что не волчий мол билет
а плацкарта знает наших
кем прощупан перегрет
облизнув ту щепку неслух
всё никак не зареву
об ответах неизвестных
бабушкиному рукаву

ОТКУДА

Тонка застирана бесстрашна
родильная трещит рубашка
но после всех «ура! ура!»
голышику прибавь ума
букет раскидистый салюта
плакуча память и разута
кто с ней изнаночной знаком?
От штукатурки пыль кругом
автобус узок двухэтажен
развилка улиц храм-фантом
а искупают — над пейзажем
полёт завис — держись на том
подкинутым судьба бороться
дегтярно в мыле первородства
шатровых огоньков огней
и любопытней и верней
победных слёз послевоенье
сухой остаток-ангелок
утративший происхождение
привит отстиран волоок
грибница костная объятий
на всё подснежничье накатит
написанная на роду
сирень без паузы водица
под балки свода впрок войду
простуженнее кто родится
ребром похожим боль задуть
какая въедлива речиста
попятится просясь на грудь
к чему-нибудь да как-нибудь

НОВАБРЬ МАЯ И НАОБОРОТ

К транспаранту фонарик сушёный приляпан
самостийно идём поперёк или вдоль
раскидало ряды и приветственны шляпы
прыгай перед трибуной как ловится моль
Далеко до гранитных начал и разболтанны
настроенья (отставить Минздрав)
по такому простору ли гаечки-винтики-болтики
бороздят синеву от заданий домашних отпав
И трёхлеткою сдавлен отцовский загривок
и зловеща полоска голов меж зубцов и штыков
и подкинутый я между чучел топорно красивых
на воздушные шарики взорван-здоров
Жужанули раскаты из рупора вёсен
переносье морщин (коридор ледника)
снегирюшка доверчив кудряв и серьёзен
клейкой почкою липнет к плакатам легка
непросохшая краска — сожмётся совьётся
под фанфарами лозунгов криков по всем четырём
сторонам — это выдался кворум избытками солнца
площадному наркозу а он отойдёт снегирём

В ШКОЛУ

Заело пенал
с одышкою слёг портфель
брось (заклял-не заклиал
язык) проверь:
ты скрученное змеи
и выжженной же во лбу
простой простоты? — сними
вопрос о любви — люблю

ВЕТЕР ПЕРВЫХ КАСАНИЙ

Кинозал былинный луч пылит ползком
«Солнечной долины» лёд под «снегурком»
винтятся узоры — линия чиста
близко ли промзоны лет через полста
не поднимут лязга — уплотнён спецхран
а труба вальяжна и ударник рьян

Новый год каникул по сугробам бал
робостью накликал обнял и пропал
охватило блюзом дрожь луча в пыли
а с экрана узнан — плечи распрями
пусть и не дворцовый всё равно паркет
блеском и основой кружит этот бред

Под него спаялись: испещрённый лёд
кровь (легка на зависть) зал (насквозь и вброд)
очередь в буфете к выходу гурьбой
и касаний ветер первых сам не свой
умопомраченья дар или трофей
(разница врачебна — волшебства бы ей)

Без ажиотажа тронутый аккорд
якобы из джаза виражи вернёт
гром литавр окошко белое и свист
школьно и киношно — всё чем глаз речист
всё что стрёмно вроде грезилось ногам
сердца на исходе так и не отдам

* * *

Дохнул мороз и улицы заныли
одна другой метельней, перекрёстней,

кулём оглушены спортзальной пыли
борцы-вольняшки не о Холокосте,

нет, не об отрешенцах-индивидах —
коньках и драках, поцелуях на спор,

давай-давай, жми на рычаг эвклидов,
то ножницы, то ветер государства

в нас целятся, круша, тряся, корёжа,
шкаф, глобус драный, затхлые рулоны —

класс взбаламучен, твердь над ним пригожа,
родительские подписи законны,

с пятном на языке, всё вывожу их
на волю из подделки дневниковой,

для этого во мне скопился жулик,
атлант атлантом (на горбу балконы)

для этого меня лепила стужа,
да ноготками лака не жалела

и с памятью завязывала вчуже
за упокой летающего мела.

НА СТАРТ

Адаптер приподнят — а то б затупилась игла
раскручен овал беговой наподобие диска
в колодки упрёмся — на старт! — и зажмурясь дотла
мелодия медлит а финиша ленточка льдиста
Слабак про любые просторы где скорость слаба
ласкающим выстрелом — небу он только дразнилка —
погоня буксует за кем же я вышел сюда
умножен лишаясь дыханья? А ну-ка! Возьми-ка!
В разгоне прожорливый ветер нахлынет с трибун
когда ещё семечек лузг или крики «На мыло!» —
на месте лишь ажиотаж по-прощальному юн
(винил ему вторит да только игла соскочила)
Не будет оборванный бег среди нас одинок
очерченный гарью заведомый траур дорожек
по тайному плану как этот — без пауз — мирок
(практически голый) бутоном раскрыт не без дрожи
к заутрени бодр — пяткой майкой впитавшими пот
душою повырванной — сколько ещё оборотов? —
от чёрных от лёгких вращений отстав напролёт
а музыка вьётся взрывное своё отработав

ТАНЦЫ В СТРУКОВСКОМ

Понесло на подъём полынь каруселям струган помост
вас на «Броде» полно прикинь: обжиманцы фокстрот взасос
(раньше пели «Москва-Пекин» а когда-нибудь и «Норд-Ост»)

У «дружины» губу дерёт (чуть дохнуло — овраг студён)
«разливного» несёт народ «Жигулевского» царь-бидон
А на фоне таких свобод нет дамокловых мегатонн

Всем кудряв несунец широк потому прикурил сквозь строй
эх развязан знобит шнурок — невесомость забудь отмой
и «о кэй» превратится в «ок» из-под свежести нулевой

Пусть всего-то виток один — ЮрьЛексеичу от лолит
нет отбою — о джаль-эддин! — логос вылезший из орбит
размалёван под цвет витрин — парашюта же след кровит

Двухголовьем герба схватись приглашая на белый вспых
...Никого танцующих ввысь (даже Господи тёток злых)
хоть бы вымерли рок и твист — чувству стайному не до них

ВЕЧЕР

М. М.

Мяч штандера и тёплые замки
осевших за зиму сараев

У авиамоделей коротки
на вантах крылья — веером расправив

сдираем сеть ажурных трасс
размахами кто чем во что горазд —

увяз я в них отстал погряз
таких любимых и таких бескрайних

* * *

М. М.

Завидую другу — их двор привечала шпана
один ему на ухо выдал среди многоточий
«Ты свой — хоть не русский!» гоняя мячи дотемна
под окнами школы (Самарская угол Рабочей)
Подсуживать некому если хитри не хитри
голы превращаются в спутники веры навынос
и в плотных слоях ностальгии горит изнутри
что намертво взято как Феникс оно исказилось
Тылов эта сетка пружинит углы обмахря
своих пересчёт обзавидуйся хриплым винилом
куда подкаблучен родильный ледок ноября
поверх адаптаций к начальным ещё именинам
Причинное время разбавит нас мёрзлой водой
сменив географию красной блуждающей точкой
за тесным спасённым столом или здесь со шпаной
вслепую стыдливо из шёпота мглы непорочной

ВРЕМЯ

Время — это что? Пытал красовался перед классом
с крышкою впритык в пенал впихивая солнцем ясным
а оно текло текло кувыркаясь по-кошачьи
то придонно тяжело то укладчивее шасси
был из жадных торопыг ни за грош физичку мучал
глупый — якобы постиг петлю яму схлѣст излучин
исчезающе насквозь по винтажным же спиралям
спайкой с ним как с горлом кость адски пересобираем

Есть сохранность — беспредел единицы расщеплённой
глаз — колодец наших тел промеж солью и щебёнкой
миг икриночьи брюхат вечность мегаипостасна
ей он сторож или брат — сушит разница подгасла
сдай дыханием концы из материй праздной самой
мере этой вот росы — сцежены кардиограммой
синих узелки лучей — тайн под кожей рыбы тени
вторя пульсу (нет сильней пиковых его биений)

ПЕРВЫМ ВЕТРОМ ВЕСНЫ

Травинки — впереж — солома
захороводилось тепло
«Не от хорошего знакома
с тобой — как это быть могло?»
Лабораторные отменяются
на липах — почки (ноготком)
в зените солнечная мельница
шумит плотина — дней содом
водозаборен слоём слой
трясёт штативы от незнаний
культуре место где живой
непрививаемое вянет
взвихрясь на шкале тепла
запаяны концы разгула
...На свет пробирки подняла
Вернуть на место не вернула

КАКАЯ МУЗЫКА ВСПЛЫЛА

«Мы чужие...», из к/ф «Возраст любви»

Капитолина Лазаренко
(оригиналом — Торрес Лола)
услышалась — как незаметно
зарозовела чудо-школа
воротам вброшена Байдарским
где задыхались и сближались
«Три семерками» по-братски
без скидок на психоанализ
Вперёд же Дезик благодушно
шарахнул кий — шары по лузам
тугая на подъём Алушта
и пляж дикарски не заюзан
Петрович вот ведь как — не к ночи
«чужие»? — эхом — да «чужие»!
Кто Пасху лету напророчил?
Бессрочную — не отслужили
кто свечку ссыльную припомнит
определённо кто там рад бы
Замоскворечьем влиться в Портленд,
сквозь все тишайшие бравады
перебирая годы-риски:
Марьяна или Мариула?
Накрытая артиллерийски
по-свойски бьёшь разведка-дура
Днесь аргентинское цыганство
плывущие поманит души
ажурной битвой — чтоб не гасло
ни там в подкорке, ни снаружи...

(2000?)

ПОТЕРЯН СЧЁТ

Дней бездонная бочка — разомкнуты обручи,
изабеллу топтали босыми, теперь вот цемент,
исправленья в романе песка неразборчивы,
а на вкус и на цвет здесь чего только нет:
обмахнулась дворняга на чахлом стуле
мухобойкой хвоста, от прыжков Келасури
долетают шумы, брызги «люб» и «буль-буль»
валунов (и помельче), желая июль да июль
связке перцев, арыку вдоль самого синего,
и, зевая, Акакий-доцент на одном
интересе козу приволок пощипать, ты спроси его:
аргонавты-то где, в чём подстава с руном?

Поистлели края и пахуча воронка из джезвы,
письмам корчиться долго в кострище души,
(вот и паре моих — не железны),
между штормом и оползнем всё доверши,
притемнённым ч/б увеличенных зёрен портретам
ни трюмо с кисеёй, ни дешёвеньких рамок резных,
взгляды первые — я им беспочвенно предан
— Эй! Надолго приехал? — зачищено, говор утих
под шансон, рельсы же, вдоль руин зарастая, вдовая,
обеззвучились ржавью мотива «ай-нэ-ай-нэнэ!»
...Телом дразнишь смолистым играючи — «где я?» —
на руках запрокинута знойно волной по волне.

ЗНАКОМСТВО

— Хотите яблока? —
спросила с брызгами
из шторма явлена

(«вьетнамки» выстави
чтоб не отъехали
с приливом поровну)

Сгрызу ответами
прищуров молнию?

Бликует йодиста
сигнализация:
сорвётся? Сложится?
Самоизгнаться ли?

Калёным опытом
не всё остужено
замято вогнано

а может нужному
огрызком девственно
раскрыться в грянувшем?

...и полотенце там
прижато камушком

ТАМ, ГДЕ

Пики олеандра за железной сеткой
ими сплюснен к штилю узенький проход
с этими кустами я б рискнул разведкой —
(против пусть не важно за кого и от)

Ранка не затянута но локализована
жди теперь занозой зудежа цикад
сердце вне опасности как дыра озонная
(а дыре надёжней горячей без «как»)

Втоптан в стадо галечное бычок «Лагодехи»
вдалеке на рейде чудищем — «Франко»
Ночью пачку смятую подберут морпехи
всё безостановочно рвано и легко

Поплывём по-тихому елью новолунной
(сдвоенный зародыш прян и невесом)
там где мы поныне вплавлены лакуной
правда остаётся трауром и сном

Близорука юбка синевы в горошек
увязая медля — к нам через пески
вечность на иголках — олеандр корёжит
неумелым лишним «здравствуй» и «прости»

ПРИТИХЛО

Ночь как ночь
набег
неба-неба — ни шагу! —
в траву

искры исчерна слягут
зову:

стань магом
спичкой чиркни
(уже ни одной) —
мы одни

...Сил тебя не любить нет
неспроста
остывает неистовство дикое

Горы
изредка
вздрагивают
ушами
уснувшего пса

Август время
притихло

(1969)

* * *

Когда иду я
музыкою оттаивая
когда иду я к тебе
таганский усыновленец

Возле Большой Каретной
не до витрин — ветрище! —
с горбинкою переулок
два-три подъезда вразвалку

я всё иду иду обматываясь
минутами кольцевыми
кап-кап задувает зимы подол
обмылковы подворотни

Когда за что б ни взялся
скользкое хорошо ли
голос целую голос
парашутово-струйный

синее в слабом сером
зыблемое шелками
ёжится или реет
выше куда уж выше!

(1967 и тд)

ДО ВСЯКИХ ВОЙН

М. М.

Море в кулаке разжатом
усмирённое закатом
с галькой мучаясь возясь
(ближняя хотя бы часть)
до ракушечных плеснуло б
укреплений — лбищем в лоб
по сезону ли рисунок —
сапогом наряд подгрёб
пограничный (после чачи)
нарушая нашу ночь
днём же «Кукуруз горячий!»
эхо разнестись не прочь
врыто как покрышка МАЗа
намертво — вот и ковчег
здесь приколот его и база
и ещё о чём-то сверх
Успеваем — будет видно
огоньку вернув без фильтра
затаённое свежей
всех о ком не сожалей
смыть позволю поимённо
зной молчанья слой иконный
вдоль ключиц туда-сюда
губы губы навсегда
из-под них обстрел к обстрелу
свято место перетрут
до пупа кроша пределы
траур не рутинный белый

лает ищет свой хомут
но пока вплываем входим
в штиль в наоборотный полдень
лунный ствол черту кладёт
пусть дроблёную косую
где распухло я подую
отзовётся теплоход
а за ним гортанным кличем
обжигаемый голыш
взрывчат о своём девичьем
(если не охолонишь)

ЗАИГРАННЫЕ ВАЛЬСЫ, ОСТРОВ

— Инженера! — с кпп — не желаете музыку?
Шаркнул откуда-то сверху корунд-коготок
Галки по лужам отпрыгали чмокнут вприкуску
под заведённого Штрауса — и наутёк
Строем не в лад возвращаться товарищам
им на плацу ещё топать присягу бубня
а тарантас дирижёра вот-вот и развалится
он размахался бравурный австриец — такого-то дня
инициация мини-парадом почти опереточна
вроде игры пионерской (на ужин компот)
раз-два-три раз-два-три — это как маятник деточка
(только у сосен стойкости невпроворот)
Рытвины в небе опять и опять непросохшие
стихли смычки послезвучьем своим нараспах
сны растрясая — прощайте беспечные чмошники!
Нам размахались вдогонку с веревочек псковщины
серые лебеди неулетевших рубях

(1977 и тд)

ПО ДОРОГЕ НА ПОЗИЦИЮ

Пот — карамель (скулит скула)
бьёт по бедру приклад
Дорога вязкая кругла
и ты в неё как вмят
Упасть — накрыть (ни тпру ни ну)
с проплешинами луг
где одуванчики войну
рассыпали невдруг

Но вот раскрошен жёлтый взрыв
взвод отряхайся значит жив
жмёт или нет кирза
— невиннее нельзя
И всё навывтяжку стоит
вдоль тех бездонных лет
мальчишья стриженный старик
босой как в стельку дед

...Пыль отвердела запеклась
а он — пройдем — он видит нас
удушью поперёк
за пухом пух за разом раз
вниз по щекам — со слабых глаз
дорогой всех дорог

ПАУЗА

Пятками вечер сверкнёт
в лиственном щебете
это какой ещё год
гуси бы лебеди
сборы а завтра диплом
дальше неведомо
после присяги сожжём
кучу с победами
знаний пустых вороха
мусор под курево
так ли беспечность плоха
вдруг и нахмурена
Пересверкал березняк
в иглах простроченный
на карауле размяк
мирной обочиной
сcurвлённых этих прорех
пятна выводятся
чешутся жгутся — у всех
где-то колодезна
тяжесть а где-то приказ
сорван воистину
кровь его встретит за нас
щебетом лиственным

(1970 и тд)

* * *

майору Тонояну

Белым-белы ночам ожоги мая
Отчизну любим? Смирно и равняйся!
«Ура!» при расставаньи запреща
майор пусть кадыком но понял нас

Нюхнул фронтов а на вершок лишь вырос
к разведке по-щенячьи сиротой
худей хлыста и кожею папирус
ворчать не научился сам с собой

Травинку в зубы — гулевой щетина
Отъедем — взрыв «Гип-гип!» Ну кто не дюж?
Накоротке присяга нас щадила
но текст поплыл и галки пьют из луж

ЭШЕЛОН

сокурсникам по КуАИ

Сборы скинутые — домой
Бог не выдал — никто не хромой
всем в запас — приумножен состав:
Сивка-Бурка Герасим Исав
Кто-то вывесил пятку в проход
Блока может зевая листнёт

Мельтешня водокачек сквозь мрак
на перроне киоск — что не так?
А в подкорке Гуниб и гэбня
«Праздник радостный...» — Шустов бубня
«роковая родная...» — на раз —
Шустов Славка зубами светясь
извлекай — ну а листьев накат
хлещет — мол ты пропись алконавт

Зоны зоны овражны мертвы
заусенцами редкой ветлы
обнаружся в строке гробовой
с ней надвьюжною с ней рядовой
подстаканник по краю стола
едет-едет — ждала-не ждала
нам «ура!» родом та же «хана»
тормозов ли достойна страна?

С ненадёванных хрустких погон
Блок пушиночку сдует вдогон —

и не важно кто сам наповал
кто уныл кто дерзил кто шпана
от разъезженных съёженных шпал
отмахнулась не спросит сполна
роковая родная страна

ФЕВРАЛЬ

Д. Б.

Покалывает где-то в области
глотка (Булатом захлебнуло)
шаги по наледи колдобистой —
как трибунал или трибуна
(он кроток и она естественна)
— Стой! Дальше не читай! — молю я
грубее бы — да хоть и вестерна
а лучше — морок поцелуя
от скользкого песком посыпанного
к самозащите эйфории
ото всего как бы избитого
за сени что приотворили
разодралась недоочищена
завеса воблой без чешуек
споткнётся вяленая истина
о тех двоих кого почует

РОМАНС

Только раз бывает ледоход:
мышцы мышц переползли по спинам
только раз в беззвучии пружинном
и опять длиною всей рванёт

канонаде этой ли перечу
музыке со сдвигом на корню?
С кем я неохватнейшую встречу
до её зачатья хороню?

Сроки растекаются безбрежны
пробуешь — и снова не ахти
В мимо проносимые надежды
полного-то раза не войти

ПОТОМУ ЧТО И НОЧЬЮ

У истока дороги Военно-Грузинской
длинноухий упрямец бунтует один
от холеры попались мы на карантин
возревётся ослу под Высоцкого с «Зинкой»
на гулящую лоджию гневно косясь
брошен всеми забыт где же ты моя власть?
Поводок надорвёт чья-то воля чужая
возопила душа соловьям подражая
изгрызи свою верность терпенью ждуна
эволюция съест человечьи начала
преждевременный траур лелеет чинара
по неполной луне что увяла желта
перед голым столбом сделай милость врагу
спецкордон утомлён широко и воочью:
вейся взвейся мытьём или так «ни гу-гу!»
Ночью? Нет не сбегу — потому что и ночью
животы при погонах считая до ста
к табуретам приклеены и к минералке
сон который во сне сон-бурдюк сон без сна
видно вместе юдоль — дожидаться осла
Скачешь где дорогой? Где он жребий твой жалкий?

* * *

Кукует к вечности готовясь
лес — от обочины раздет
на пне гляди-ка гладиолус
(а издали — вполне кларнет)
наощупь что там — веткой ветка
кору потри — вполне вельветна
всплеснут (их пять не расплести)
дельфиньи жабры-лепестки
Зачем? Кто положил (сама ли?)
на место видное едва?
Как в фильме где шагнёшь в финале —
овал у стенки пыль-вдова
портрет (состаренный лет на сто
напрасно сходство не напрасно)
шагни к нему (как от него)
нет меж вами ничего
Портрет — ещё доска в белилах
пня поперёк на нём — привет! —
пять странных лепестков ленивых
изогнутых дельфиньи — вы их
огладьте через толщу «нет»
сиротской сыростью раздет
лес — перешеек тех ленивых
дельфиньих лет

НОЧНОЕ

Круг железен с лампой-мотыльком
задевает бьётся о сарай
на одном дыхании большом
«Братьев Карамазовых» листай

Конусом от фар не удивит
съёжен поколеблен книжный свет
предоставлен сам себе худлит
но ещё разгрузки нет как нет

Ночь для чтенья самое оно
без облав авралов и лопат
сыплется за шиворот зерно
лавою словесной дух примят

Реденькая выжжена трава
крышею двускатной том вразброс
обнадёжь её как дважды два
чтобы льнул посменно и не мёрз

Вот ведь — только прерванное где?
Хаосом гармония взяла
оползневые схватки на суде
братьям измочалив удила

Всё равно куда б ни смещено
словонедержанием страниц
впитывайся позднее зерно
яростью свороченное ниц

под размаху лампы в ободке
рысканье бродилово теней
вымотанно и накоротке
обними продолжи не развей

ЧТО ЗА СТЕПЬ

Напролом как меж двух шестерён
в кукурузе плутает полуторка

беркут сослепу вдарился — и в унисон
лобовой этой бездне орудуя

тряхануло — зависшие где мы?
Переключены спинами клеммы

на (с остатками зёрен) брезент
в ближний скат в переклиненный свет

Но зигзагами — вбок — вверх — назад! —
водит фара одна и вторая

перекатный клубок наш слепят
до кабины туннели буравя

Где блеснёт где обломится трасса?
Сколько звёзд и початков сорвём?

Сотый раз — а на месте одном
Стоп машина! Упасть бы размяться!

...Молотьба по кабине напрасна —
беркут
спит за рулём

(1984 и тд)

* * *

Под рубахой клюётся кусается краденной книжкой
то лисёнок то голубь — премное б вышло
если глубже засунул попробуй достать —
недвижима как в поле кровать

позабывая — шарик никеля отполирован зеркально
для кого лебезя колосится сиротская спальня? —
переливчата волнами складно послушно строга
но в быльё не наступит нога

Тронь — рогожей на ощупь солома сухими снопами
сельсовет где-то рядом — наследие месопотамий —
войско чёрных смородин с холмом горизонта на ты
золотятся обрезами щиты

Долг раскаяния этой ли кражею вкопан
на мембране пружин потеснитесь бок о бок —
отрывая сорочку от хвойных приливов лица
а от никеля свежесть свинца

Запечёт безвоздушную кровь на губе подростково
в параллельных мирах — ветру ветру не проще ль простого:
хоть пылью этот крен это поле устлать
и омытую им же кровать

СКВОЗЬ ГОРОД

Товарняков — как будто из Гомера
не при делах и диковата вера
вынает шашку на обком Чапай
но штурм смешон сам взвешивай решай
смолить моторке драить ли корму
четвёркой скверов площадь отзовётся
портфели наземь пеналь не возьму
сын космоса он тот же вихрь юродства
и креозотен шорох Би-Би-Си
на стыках подзамочного клавира
под перистым покровом небеси
баржа разливно ширь перекроила
От Кряжа лязга и амнистий ждут
родня вдыхает по ветру мазут
напильник взгляда затупись — и мимо
пустою пачкой прямо в урну «Прима»
а у конвойных помутнел прицел
«груз 200» глиной чтоб ровней просел
та сторона «Атас наш путь!» накличет
вскрыть «Заманихи» пузырьрёк — всех дел
Гомер пока повзводно не прозрел
с никем не читанных табличек

ПОЦЕЛУЙ

ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ СКАЗКА

I

По улочке Обороны
помоечны огороды
крыши с горы да в гору
а от деревянных качалок
все деревья гнедые
Тазы белья беспризорны
глазеют вдоль Обороны
с вдовами примадонны
но не вертя головами
рота ать-два из бани
За модерн пивзаводный
синь-свет-позолотой
озноб «с лёгким паром!»
ангелов над забором
пчёлоч над самоваром
ржавь дремучих сараев
ночь воды разоряет
сосульки щетинят
апрельского поцелуя
талые годовщины
как-кап на перильца
он и определился
хвост-гривой лошажьей
легковерною жаждой
что наощупь ребриста

II

Сыновей у нас двое
самокатны герои
с меньшою за трон дырявый
друг дружку перемутузя
коркою от арбуза
с Кара-Кум на Карпаты
шёл арбуз беспилотно
Сбили первой рогаткой
«Вот тебе полосатый!»
Надо ж не раскололся
в красно семечко ссохшись
он раздал свою сочность
Обороновым почвам
«Смирно!» — вздрогнут сараи
поцелуй теперь несгораем
от него безотрывно
по «ящикам» разбежимся
а на ужин под абажуром
про бесстыжую Иппокрену
зубрим всей семьёю счастливой
глум шабаш или вывих —
горшок Господен
они отвоюют — мы их
жучим арбузным прошлым
и в синем огне зубрёжки
как вкопанные целуемся

III

Муж связист твой полковник
загнал в три сосны подлодку
а моя супруга онколог
триста лет кукует в акулах
под венец не согласна
Триста лет нам всё двадцать двадцать

начни целоваться
не дождёшься лет больших
как если на гриб вдруг смотришь
рост гриба застывает
Будет что ах что будет
в моих твои губы
где чьи узнается вдоволь
в муравейник медовый
кто кем замурован
Триста лет всё круги-мурашки
скоро маршалом внук наш старший
с прапрабабкой своей воскресшей
держась друг дружки
к нашим нишам возложат канны
на разломах же Обороны
губы в губы мы и не вспомни
ни про это
ни про полковника
ни заплачек онкологини
над акульей печенкой

IV

Нипочем Обороне
Чингисхан ли Емеля
бомбёжка любая
отрассолся да в баню
ваньку-встаньку намыливать
всё б цвела да хвалилась
да клетушки красиво
в гору бы погибала
Не снесла циркуляра
«Спрямить загибы!!!»
Рогами бульдозер
эту ветошь подцепит
а кваску-керосину
хватить: Никитская сила! —
гладко спереди-сзади!

Оборотами — хлеще
чердак трепещет
скомканной промокашкой
а козыря сдашь — и
чердаки на месте
Звездани по коробке — вовсе
в космос её выносит
Задразнит оттуда
Оборона-зануда
искоркой поцелуя

V

Подмяли микрорайоны
грудь-клеть Обороны
преемством ордынца
синь-свет отрубился
угарно единство
скрутило просторы
отчизн подростковых
салазкины спуски
да выгон вратарский
над волчьей пропиской
Взрыв спелый сочный —
стенкою блочной
срублены взрывы
Кто самый смелый?
Чешем осколки
с утра пораньше
сбросим науку
на сопки лазорий
гнёзда разорим
жар-следа Царь-следа
ну-ка подышим
как над картошкой
и точно и тотчас
прихлынут пришельцы
всех полюсов поцелуя

VI

В кого на кого забуду
мне завязать ли праздник
пока решаю крест-накрест
четыре дворняги
рвут кошку по кругу
Метну в крест урчащий лыжу
трансформатор — туда же
на тонну «Наук и жизней»
балкон раскулачу
всё кресту под раздачу
Убью и вернусь — забуду
и что не жилось взаправду
Обрадуешься испуганно
в рубашке моей без пуговиц
окна отдалив прохладу
Выводят из 1-й Градской
молока грудничковый ливень
над именем сохнет имя
избытком пространства — веткой
отцветшей его пружиной
Забыть — алмазная жила
бурение мимо касс
восьмёрка фронтов и тыла
спаялась неопалима
как с нефтью попутный газ

VII

— С-под Орла-то мой орёл
не вертался
— Мой с Инты
— Да и мой «старьё-берём»
ложь-не ложь вопрос ребром
пожалела — и кранты
Траур — в очередь за кем
обведённый мелом Кремль

от овчарок поотвык
керосин к углу впритык
но про всё кому повем
Дотащил едва арбуз
ты мой сахар белозуб
скидавай тулуп-то в печь!
Эх ещё б на воздух лечь
а как воздух заберут
будем после оборон
дрожевых плясать ворон
пылью про запас квантуя
беглецы из-под времён
отголоски Акатуя
ночку-ноченьку плывём
радугой ее сгибая
губ опутаны губами
свет мой ревность дай о том
знать что на тебя суда нет

VIII

Гей слои речевые
волнами вечера
чарывники чавалы
чивилихой кружалой
раскурлычь вас по малой
Со святого насеста
пекло страхов — на место!
Аллилуйной козляти
при законе-откате
было б где догуляти
Столковать ли двух мнений
лбы — мол счастье геенней
головешнее брезжит
а не кедровых прежде
сгнил свободы орешек?
По несбыточно млечным
по сердцам распрекрасным

по искре как по маслу
заскользившие сгаснем
в пику сказкам-отмазкам?
Нет же — слаженной швыдче
семя кармы соль притчи
не хромая припрыжка
а раскидиста тризна
мигом ныне и присно

IX

Кони кони что за кони
огородом по иконе
то не ветер ветку клонит
клонит небо в небеса
на четыре колеса
Шли распаренные дяди
корчевали Бога ради
пни да ноги мать-природе
Плохо дьяволы вы пьёте —
я по коням в небо спятил
Как пошли умельцы бриты
беспредельцы аты-баты
Иппокрену в Геростраты
оседлаешь там и сватай
вот нам ангел полосатый
Кони-кони мы искали
мы иконку в сердце клали
угнездило наказаньем
поцелуя стилобат
разбегутся — заболят
Кони-кони с лёгким паром!
Небо на небо упало
Что упало то взошло
что вернулось то вернётся
А никак! И ни за что!

ЗЕРКАЛО В ЗЕРКАЛЕ

1

Прими как всё сошлось
напрасно поделом
провальной — если врозь
о только бы вдвоём!

Нельзя ж вокруг тебя
клубиться — ничего
мой стыд за слишком «да»
и ад внутри него

Обнять и не понять
чем обернётся свет
без нас или опять
живой живой секрет

2

Разбудил апрель апрель на трамвайном полукруге
пленку льдистую отклей (а на всякий и погугли

чисто выпорхнула сеть соловьиного капкана
связанное отогреть узелками домотканна?)

Меньшиковских флигелёк на Черёмушках конюшен
в пятнах солнца наутёк где заждался где контужен

укороченной искрой (а она себе трассируй)
проводов тупик живой озабоченно красивый

с недосыпа веки трёт в крепком таяньи завязший
отвечай учёный крот за маршрутные за ваши

сизые до черноты ветви вздыбленного корня
кто кого как будто ты не удивлена — покорна

3

Ещё деревья солнца не закрыли
ещё их ветви как японской тушью
промазаны золой или в акриле
а чуткость образцом взяла пастушью
для разморозки — то рука с рукою
то просто повезло припарковаться
впритык перед площадкой смотровой
меж выдохами байкерского братства

А вечер вечер — свыкнуться вслепую
с повторно пусть найденышам по крови
теперь меж отогретых прежней дурью
оттенков неба сдвоены пароли
благословляя запахи — уткнуться
и кто едва намеченные сети
оставил здесь пусть сёгун пусть якудза
ещё на только-только вашем свете

4

Ищешь ищешь невольно — и он тебя тут же везде
у «Смоленской» с пионами-розами сразу на все
за ещё не отбитым от рук восхищённым умом
отпустившего душу ловить ваши дни кувырком
их по зёрнышку стайкой намыл уплотняемый пух
покаянным восторгом вы связаны издали вслух

Столько разве живут попадая навстречу след в след
его локоть толпою к лицу твоему как ответ

приподняло — когда-нибудь прах за спиной
отзовётся кладбищенски тихостью вьюги родной
а теперь ни бутонов-шипов не бери не буди
тот июньский Арбат возле МИДа во имя беды

совпадения с находкой — её целлофан отшумел
ни единого раза нельзя этот пух полумер
сжать до косточки жгучей (не то чтобы вечность давя)
и судьба по нулям и не вспахана воля твоя
от вины-сироты уцелела ль щепотка семян?
Дар бесплоден отпущен — зачем и кому осиян?

5

.
У него к тебе разлука и гордыня — род тротила
отсыреют — снова глухо не хватает Не хватило

в рейсах путаясь щекою ты щекой ему колено
плавись — то ли буря мглою то ли спишь как в плен из плена

Сон её — вот вся опора оперенье крыша кожа
было так — зачем он понял: «катастрофа невозможна»?

Если ж серьги по проходу на тележке отстранённо
повезут не зная броду тут же бодрая сладёна

Накупите их всей горстью на развалах Руставели
позабыв про до и после как вкололись души в теле

как горящие глаголы вне времён и наклонений
о тебя его дороги расшибают в сон колени

6

За вход — если двое — со скидкой гривны
тропою горбатой размотана бухта
колонии чаек на отдыхе мирны
беля валуны — глубина поднабухла

числом сентября без теней широченно
пока понизовьем колыханы в тине
курганы золы — вот и всё кватроченто
иссохнуть безлюдьем его сердцевине

Пытливую скуку расчертит анализ
мережей бесхозных тряся вертикали
всего-то биографы и докопались
до рёбер а будто всю грудь оторвали
и можно с оторванным слиться крамольно
сверкнув перетресканным амфорным днищем
душа (в её роли откат лукоморья)
она точно в жмурки зовёт но не ищем

Пластом небывальщин каньон разворошен
лететь им уступ за уступом тараща
ласкающе это название «таласса»
на плоской вершине придавлен Волошин
плитой у развилки где надпись губами
угадана — стёртые время и место
где кто добрались — за собой не убрали
особенно ветер и всё бестелесно

(2007)

7

Свернулась кровь сворачивайся кровь
пот всё прочнее и прочнее
пути схлестнёт — их разотрёт
двойное сосредоточенье

Лёд слепит — под ноги болтали
треск оставляя за спиной
для сказки — может о Салтане —
о родине — само собой

Зазубрись о крышу бензопила
 додробил трясясь молоток отбойный
 худобу асфальта — земля спала
 а теперь куда уж ей — войны войны
 марш-броски (к сверлу сверло в унисон)
 без анестезии душа визжала
 будто у дантиста когда внесён
 в мазохизм ремонтного карнавала
 раскалённой скважиной лицевой
 всё ли перепробовано что насмерть
 мимику окутает жестью той
 сотворив сгущение красок ясных
 Выжми газ из связки заплочных лет
 тормоз отработан как преисподня
 привыкаешь на дух и напослед
 к удивленью ужаса «Я свободна!»
 Взломана победная тишина
 пыткой неотвязной остановиться
 а земля заботливо тяжела
 отпуская брошенного счастливца

Оглянись — кто подослан
 к нарождаемым вам?

Во цветении вензельно-плоском
 изрисуется храм

продышавший от окон безлесных
 волны заспанных плеч

Отмороженно гасится в безднах:
 «Их не надо беречь!»

...Под навесом во имя младенца
по стаканчику — тут же забыв

ясный повод который (надеясь)
сам удержит призыв

среди заспанных свечек и сучьев
вензелей как в нарез

оглянуться на храм неразлучных —
он сберётся исчез

10

Двое — она не против — сели к окну тесней
только-только из кротких скомканных простыней

Чашечками касаются этой без слов весны
ангелы «Кофе Хауса» издали смущены

Засипела машина — трафик притормозил
вот и рассвет причина отчаянью всех светил

чудо судьбой крошится — или наоборот
всхолмленная корица оба исхода вьет

«Господи!» (промолчала) вслух же: «Ты стал родной!»
Из зажигалки жало брызнуло — и домой

Нет не боулинг вечен — сердце катнули вспять
а защищаться нечем — она не умеет врать

ВХОД И ВЫХОД

I

Пласт штукатурки осыпается
от эха — по ковру с верёвки
лупила бадминтонно палица
сама (удар косой неловкий)
он терпит это как потерянный
щенок или мешок с вином
как небо — первые пропеллеры
несло в брожении унылом
Цементна пыль — предтеча сталкерства
во флигеле сквозняк — она ли
к нему дождём вызывает сладостна
(есть разница ещё б мы знали)

II

Доступности руин пошаговой
заизолирована свора
но где же где (перед «Ашанами»)
змея родного триколора:
лоскутья (шиты к двухсоттысячному
стоянию навроде вече —
отхлопалось тому язычеству
а это — лечим не излечим
несём безрезусные радости
от Биржи мановеньем властным) —
полукилометровый катарсис
нирваной шелковой распластан

III

Течёт стоит ли — время фикция
ускальзываемая как прана

мост навести флэшмобом скликнуться
шкалой — подобием капкана
раскуренные вновь затушены
костры с золой в анабиозе
и праведных чуть больше дюжины
бронь автозачная развозит
а зоосад по-церетелевски
возвёл кокошник на булыжник
павлиний крик оцепит прелести
чумы полётов неподвижных

IV

Лоскутный шёлк прочнее кабеля
а растяни — закровоточит
не Склиф — другая помощь набело
звезда на Спасской или кочет
пронаблюдают нераскаянно
кому кадить победной влагой
им этот стяг замена сканера
с неперевернутой бумагой
заело будто разминается
вибрациями вкруговую
забадминтонь ракетка-палица
уделай коврик в отбивную

V

Черёмушек столбы под разными
углами сценой «Ревизора»
финальной застыли — с плазмой
энергий сверхвысоких зона
трамваям ворожит и как тебе
здесь родилось как шли мы рядом
работы авторской галактика
тарелка (снег зима ограда

два этажа за ней мигающие)
расскажут дух впитав кофейный
неискорёженно и тающе
в наклоне тех же откровений

VI

На волосок они от пафоса
залитого горячим гелем
и виноват кто не попрятался
не спёкся с ДТП не сверен
...«Мигалка» леванёт по-киллерски
под камеру — она «заключит»
Москва! Москва! — вот сердце вывески
системно спятивших отключек
дверь сейф прихожая бесстрашия —
улыбкою обыкновенной
оправдываясь: «Я ж домашняя!» —
кто здесь — кто пойман той тарелкой?

VII

Фарфора лики лакированы
оберегать семьи устои
от конкурирующей проруби
евоадамовой лав стори
Но кто но кто впитал заточенней
извивов будничных её же
в кого две столь похожих дочери
кто уязвимее и строже
щедрее? Кто здесь наимладшая
(тональность со страниц Вильяма)
пых из развёрнутого ландыша
изменчиво не изменяла

VIII

себе — и по Рязанке (всехняя
не мама? кто? — потомство крёстной

препоручая) в пробках ехала
к цепочкам Белодомья? Горсткой
(мотивы чьи не атрофированы)
он отстоялся поимённо
так между Римом и Афинами
связующая мегатонна
возделывать неогороженный
займи участок — два инстинкта
в один сольются — может может быть
иллюзия вдруг не бесстыдна?

IX

Увы. Спать весело разбродимся
(сольёшь нас — ждите!) Беспольна
от Pussy Riot Богородица
рэп — сказка сказок полонеза
Манежной фонари припухлые
перебудило гимном-зомби
Фуршеты постобериутами
кишат — прожорливы не злобны
А где с детьми побираются
что это мафия — не веришь
подачки а не операция
нужны им — невдомёк тебе лишь

X

участливой к издержкам бизнеса
и жалостной на всё святое
...Сознание пластами сдвинется
(те в мясорубке эти в доле)
а флигель смастерённый пленными
(был раз всего — ты грипповала)
поощажен лагерными трендами
пустой же тот (см. начало)

в расход (как водится) с флюидами
с ковром который отлупили
дай крест снежиночке Давидовой
отмокнуть от законной пыли

XI

Снесённый — тоже твой (отобранны
реально оба-два) в фамильном
плафон — ты помнишь: залы тронные
с музейным поставцом камином
вспорхни — чердачно — астроябля
рулон лизнёт колени (ретро
реликвия непотопляемая
клок флага — от полкилометра) —
повывезли всё перемешано
убито беззащитно всуе
и никого — но коврик бешено
ракетка-палица лупцует

XII

сама без рук — моё похожее
фанатство: сдвинуться разломом
и обоюдное бескожие
зарубцевать узнать в знакомом
где не могло быть нас но было ведь
не Бог не царь — ледник свидетель
дождь штукатурки вставший миловать
вход с выходом — без лишних петель
без лязга — капелька средь капелек
перетереть прикрыть отчаясь
жерло рассветов этих каменных
победу — если всё же чья есть

ЕЩЕ НЕ

ДЕНЬ ПОСТУПЛЕНИЯ

1

До собеседований сколько
б там ни было — побродим Оляка
опавшими пошебуршим
на Гоголевском через Сивцев
охапкой золотых счастливцев
не знающих кулис и ширм
(и пирожков столовой) — львёнок
стрельчиха — златоомут звонок
в ярме (по щиколку) свобод
то распаляемся то гаснем
шумя вдогонку прозам-басням
а с круга что ещё свихнёт
что — с фитонцидами летуче:
дуга скамеечек (до кучи)?
автограф курицыных лап
колонна в папильотках? — что их
перепакует успокоит
растяп и сплетниц? Сердцем слаб
миг-лабиринт (сверх вольномыслий)
не для приёмных же комиссий
нас вызвал не для тихих сап
к закатным огонькам лицейства
контактными сетью привейся
здесь без оглядок на масштаб
далёко до микроволновок
пусть вечер вытравлен из новых
несовершенств — и тем живой

увязнет продлевая бдений
рябь пестроту — он прикровенней
загаданного — пусть он вспенит
сотрёт пусть огнецвет-прибой

2

Сложились крылышки стрекозьи
экзаменов — лиха беда
отбор от зрелости нервной
из опозданий в никуда
готовность — счастлих мешанина
без выяснений о сплошном
на терцию горька смешлива
попутная всему «потом»
ни выпить ни подмять рассказом
возобновляем и отмазан
возвратами как террорист
шепну ли тромбу: «Оторвись!»?
Лекала заготовки паззлы
остерегающе опасны
дыханью ясному подстать
зачем его ещё спасать?
Столom просверлят нас беседы
всё для приёма в огневеды
улажено про «свой-чужой»
раздвинутое можно будет
кивком почерпнуто у судей
и мантией и чешуёй
ущелье запахов отмыслить
к проспекту светофоров лисьих
над выходом кричащим «стой!»
Валяет ваньку годовщина
искры — когтями ошутима
сужаемая полоса
и точечные ароматы
сквозь кардамон солоноваты
крик-шёпот сполохом неся

КОПИЯ «ГУЛАГА» НА ВЕРАНДЕ

В плёнки занырну заламинированные
две страницы — и хорош
оглоушен (заодно кремирован)
Лей, Господь, напалм! И где? И что ж?
— Оля! Это кончится когда-нибудь?
— Кончится когда себя простим
русские уйдя ногами на небо
(здесь — хотя бы с йогой и Толстым)
Возраст обрезают под копирочку
с маминым — в неполных 30-и...
Шнур бикфордов где — нутру-Горынычу
замутить огульное «прости»?
Снесены забыты перекопаны
дачи — вместо них микрорайон
и неужто в эти фотокопии
точно в омут был я погружён?
Ширится Кощеева усмешечка
ядом усыхая тенево:
«Нет прощенья нет! А не расчешется —
отпусти куда-нибудь его!»
И стоят полны воды колодезной
над неразгибаемой душой
гладкие страницы лодкой лодочкой
копией прозрачной и тугой

* * *

Зое Богуславской

Выскочил голоснул — как же не подвезти
облик — знакомый гул (только нельзя на ты)

нет человечка — есть цель у него — букет
Музе рождённой днесь прочее — вешний бред

тенькает мельтешит моросью — кто возник
может Гарун Рашид? Кто (проглочу язык)

наше стрельнул такси? Разве не угадать
кто? — хоть ребром спроси: кончились тишь да гладь?

Вполоборота он скосится подмигнёт
дерзок пересветлён горстью прощальных нот

В гости (шутя?) позвал — с виденьем не знаком:
цена и полон зал — где же труба: «подъём!»?

где же — к венку венок — на воду гроб спустить! —
этот приказ продрог — на перемотке нить

прервана размахрясь солнечно вперекос
из-под колёс же грязь брызжет апрельским SOS

голосованья жест — книзу ладонь мольбой
выдаст судьба не съест переживи отмой

вполоборота взгляд от суеты назад
этот внезапно свят искорки невозврат

ПРЕДЗИМЬЕ

1

В очередях чей повивальный крест
со всех сторон себя же и разъест
поживою затишья и войны
семь пятниц семь погод искажены
Предпраздники — все что-то достают
вот-вот набухнет чоканьям салют
прикурит от воды огневорот
и особняк встряхнётся львиноморд
Переродись в том дедовском дому
он отнят уплотнён и никому
нет ближе за душой и нет пустей
а ты соври роди нас всех гостей
как поезд задевающий разлив
по Волге-стрелке зелен боязлив
вдоль изогнётся или сразу ввысь
кровинкой молока сюда склонись
к окрашенному давеча давно
бревну из-под сетей а там окно
распетушит наличники скрипя
и этот скрип мы примем на себя

2

Стекло ночное скрадывает дни
на палец отпечатанный дыхни —
проступит город в кольцах годовых
и запотелый он предвечно тих

Что нам условность мигу в резонанс
петард ключами связка взорвалась
обманчивая точно дзен-хлопок
(ладонь одна двумя — балбес бы смог)
инь-яню где там впадина замка
проваливаясь в плёночный пока
лёд Патриарших где черны грубы
двум лебедям избушечки-гробы
Затерзан этот оттиск на стекле
салют заиндевает сам в себе
по-новой соткан городом-ковром
пыль выбита огнём он пуст огнём
и тут как тут вродниться нам с тобой
повторной огнеборной пустотой
из мотыльково роевых петард
в сигнальное сейчас тому назад

КРОМКА ПИТЕРА

Быстрым небом принижен
инквизиторский шпиль
льдины сгрудились к Бирже
а отдельные — вширь
От Гогена граффити
контрабас ли зурна
спорят о колорите
и до зуда видна
линий ложная чинность
без уютных углов
здесь судьба приключилась
сквозь неё ли оглох
в этих вежливых толпах
где крещён и озяб
и чихает и молкнет
Петропавловский залп
Ствол отпрянул сотрясся
(вхолостую реликт)
отзыв кровного Спаса
камертонно скулит
Подсласти же апрелем
дату переназначь
все исходники сверим
красной точкою вскачь
безымянных заказов
заостря провал
разводящих закатов
островных приживал

вскрыть здесь несправедливо
гроб истории мнил
пусть зачем-то залива
дух мешающий мил
единеньем напряга
с разомлевшей пальбой
верой верой без блага
пику мглы неродной
предвесенне полёгшей
жертвою за торги
попрощайся порошей
отразись возгори

ДОМОЙ

Откликаются шпалы воде
из воды это наше нигде
жил да был — неспасаемый в крике
я Россия твой выкормыш дикий
закольцована кожа горит
что-то пролито липнет дубеет
осушают заиленный берег
жесть креста под венком арголит

С вороньём телеграфная свая
по цепочке пойдут ходуном
подстаканник и плёнка смурная
на глазу лишний раз голубом
Перебор или нет или мимо
раззудилась прощай моя схема
догоняет — ушла по глотку
в этот призрак упрусь подтолкну

Островок задыханием кроток
лает засуху ветер могил
ни цепей якорей и ни лодок
и не вздрагивай кто б здесь ни плыл:
от простора заслон ли остуда
две спины лоб ко лбу неотсюда
сбрось же кожу разлука-змея
отмолчавшая нас за меня

КОЛЬЦО САДОВО-ЗОЛОТОЕ

Всё подразмылось — юна молода
морось не морось вода не вода
точно бы кадр под зонтом в «Я шагаю...»
держит его кто вихляя рулит?
Сняв босоножки сестрой Афродит
думаешь я не узнал кто босая
лиц этих капель сведённая стая
приберегла вместо пены магнит?

* * *

памяти учителя

— Нащупали, — внушит Евгений
нам Винокуров, — тромб-родник:
давите жмите без стеснений
на бьющее из вас одних!»

В окно взглянул, уйдя от паствы,
сощурился на Путинки
Порочной родинкой прекрасны,
а связи всё равно тонки

сосульки с гаубичным залпом,
но глухоты же контрапункт
неуязвим приказом жалким:
заройся — и тебя найдут

То Бронная то Моховая
у капельницы под иглой
порогов что ты вьёшься стая
сгущаясь в низкий болевой?

...Загадками набит портфель
Одышливо и сыро в марте
— Созвучнее и есть добрей —
вы жмите жмите! Нажимайте!

ЗАРОСШИЙ ХРАМ

В кадку дождливо плесенно капнули купола
тяжесть не перевесила нежность не извела
верх пробивало бомбою — сланцев пол
с лебедою бездомною врата протащил вошёл
стая со стен (ободраны) тотчас в дырищу взмой
почернелые голуби (невидаля мглы самой)
Кодня (по карте выищу) — тоже ведь псевдоним
впёрся мишигер к финишу (хоть никакой но сын)
вехой черта зарубочка бондарю малярам
надо теперь ублюдочно силищей Амирам
схватываться калечиться? Прав я когда не прав
за голубиной нечистью светлую пыль подъяв?
Паникадил попадало и святых соскребли
но уязвимей ладана сланцевый смрад земли
ибо намолен столами что бы ни отсеклось
и обезвожен скованный скучный гость
он потом до Житомира на скамеечке ждёт
попутку или без номера рейс в Исход
Лебеда чуть шевелится жёсткая лебеда
голубинога взмыва-реверса каркни про «никогда»
линию как ни сглаживай в небо как ни молчи
с пылью нашлись оранжевой чернобыльские очки
ПАЗик захлопнул створки — стелются за тобой
изподземные окрики редко-редкой травой

* * *

памяти В. К.

Бор непуган
за Калугой
угрюм ни бум-бум
но толков
а нету боровиков
паутинок росы —
этого по щиколотку
взвороши —
шик-шикают
блед-погань ложь-опята:
«Белых-то много (леший попрятал)!

Вопиёт отравя: «Боровики
— близки!»
Нет — вопреки
сбоку нет
нет впереди

Вдруг и стихи
эти — яд указательный?
Пятна скатерти
(вместо вина)? Лучше ищи! —
что под ними? Коренья чьи?

(Вдавлены по касательной)

БРЯНЩИНА-80

Новозыбков Свень Трубчевск померанцы георгины
под затейливый навес красногруды именинны

а ещё заборы Злынки — узорочьем до бровей
чужакам-то в спины зыркни — ведра ведра не разлей

Поржавелая табличка дубом сжёвана — молчок! —
раззудится ль землянична одна из трёх дорог

Не из омуты ль в солому — Русь да стой ты где стоишь
к дождевому лету злomu жмусь как срезанный спорыш

бегством сам перекусался тюкнув совесть нараспах
что не венчана русалка что плутаем в трёх словах

меж замками от сарая и рыданьем на кресты
обручальные срывая сургучи до пустоты

Почеп — наскрозь и Унечу а Путивль сквозь образа
если нечего колечку вновь ловить зачем нельзя

градом яблонным умаслив говорливую родню
распрощаться тотчас наспех без оглядок но продлю

руку дядьке чьи медали машут с кителя смеясь
потому как воевали за поруганную связь

Мы уже почти похожи лепестками с глаз долой
...Буйный стебель вдвое сложит георгин глухонемой

ПУСТЫРЬ

Из троллейбуса — сколько б ни вышло
все исчезнут минутой спустя
о секретном заводе излишне
о подземном — за это статья —

не болтая — кому различимы
хриплой песней с кассеты синеть —
наши кухонные личины
твердь искра бесконтактная сеть

А во что же теперь неуклюже
конвертированы они
если вновь изподспудною стужей
нависают куда ни взгляни

К небу серому той оборонки
где клялись что прощения нет
вьётся лямка — бикфордовый тонкий
ложнофокусный сомкнутый след

ЖУКОВКА

памяти А.Д. Сахарова и его дачи

Открытки разворот к стене приколот
от Джимми К. а рядом черновик
ему туда — веранды майский холод
с ЧК един и контре чик-чирик
На паузе в котельную визиты
шкале давленья говорю «иди ты!»
щелчком по запотелому стеклу
и текст промёрз — то я над ним скулю
Во тьме же стук — наверно град жучиный
допытывая: не хозяин? Кто ж?!

Он в Нижнем через шланг там кормят силой
(взял бы на гадов бомбу ну хоть нож)
Рассветом ливень кончись — и айда
На просеке три сплетницы не спрячут
трёх столбняков: ты вор (не сын)? куда?!

Как много дел (особенно собачьих)
у фимиамно цепкой доброты
за пазухой гаданий — этот натиск
ещё б в щенячью призму обрати
в покой возврата — он тенист раскатист
От станции коробку монпасье
несу как тень разгромного парада
ем пригоршней (растаяли не все) —
как будто надо так (Да — так и надо)

ИЗ КОВАЛЬДЖИВСКИХ СБОРИЩ

«Нам всем дана свобода...»

Д. А. Пригов

1

Дмитро Лександрович пригож (свободы наш сатир)
официоза он правёж пересмеёт до дыр
вне «Юности» где сам Кирилл (Мефодию кунак)
по четвергам крыла крепил на низкий старт во мрак
Я задержусь я обнулюсь век стискивая свой
нет не Икар но как моллюск в преднебный перегной
на поводке — размотан фал стартуй же выходи
умом который вечно мал но крепок впереди
Мы перестроим новодел безголевой ничьи
кто крымски враз помолодел за две больших Чечни
с аэроштата сбрось попсы прессуемый балласт
инстинкты здравы и просты но кто стандарт задаст?
Мемориалу для бомжей мелькает фар поток
развязок стволовых отшей — липуч головног —
стёб изрешетит ворожбу хоть брат ей навсегда
птенца домой в себе я жгу Кириллова гнезда
На место сил нетерпелив срывается возврат
голодного аперитив не утолит стократ
лишь вече в тесноте сполна рифмуя над Москвой
неугасимых три окна с передраассветной мглой

2

Длинный стол не оставивший тыла
обсуждениями дышит четверг
расширяя вечерю Кирилла
зал забит — все наверх! Всем наверх!

Мощь-Иван искромётёц Арабов
с ним Ерёма (расстрига-матрос)
за плечами триады армада
кто безбашен а кто и оф кос
галеон и летучий «Титаник» —
стратегически тесно флотам
этот улей на заговор тянет
но зато никаких «аз воздам»
про смертельный вираж не узнаем
испытатели гоночных строк
по инстинкту сплетённые раем
(разниц нет — он помог не помог)
Наши боли ещё не штурвальны
заиканья итог подобьют
Ковальджи — столь нежданно жива ли
церемония? Храм-неуют
кучкой жмёмся пред гробом-малюткой
острый дождь унося
на поминках в прострации чуткой
все трезвы все друзья
Строкань Беликов — пусть им перечит
Резник-слесарь (хранитель стыда)
стричь повадился голубь овечек
(велоПарщиков-Сковорода)
удержи Бунимович качели
придавив двоеточием «ё»
мы ненужное плохо терпели
маскируя его под своё
замыкающий ангел собраний
извинителен и мешковат
чёрной планкою вид не обрамлен
где машины внизу мельтешат
но с торца тесноты четверговой
тень точнейшей улыбки слышна
примирительницей-подковой
неотступна где хочет она

ПОСЛЕ

*памяти Н. И.
(«а паровоз/нашли у бабушки в кармане»)*

Растянуты на шаг на два шага
оравою — передвижной перформанс —
Гаудеамус или что-то минус
пасуемся то споря то ага
Апрель апрельский — в жирно-голубом
от Маяковской к Пушки — не замылясь
прогрессом (вместо «Лиры» вдруг «Макдоналдс»)
но так и быть — вперёд наш балабон!
— Стишата? Это ж Нина как за плугом
приплясывать!
— Толстой сказал? — сощурься.
— Нет я не обольщусь Английским клубом!
— Глянь во дворе троллейбус — из кошунства
— Ты каркаешь про путч? Давай про комикс!
— Пан Пастернак — из рода баклажаньих?
— Я не идальго я другой Камознс!

...Вот шли бы так стартапом ли вертепом
до первого тоннеля трали-вали
лент с уголком по траурным портретам
а у ментов гранатомёт с кураре
порою полыхнув «свечой» как в теннис
как наш первоконцептник Д.А.Пригов
кикиморой оскален ерепенясь
пресёк стихи — задуёт их запикав
они же с паровозом украдутся
и по карманам (ладно бы домашним)

рассованы а где перезагрузка?
Лишь бабушке уже не рвать ромашки
с ведром солений ей по-цирковому
за поручни хватаясь опроститься
чтобы из игр выныривать на сцену
где поздно мыслить тростниковым ситцам
рассолом заливая рты и уши
Но есть не где-то — в блочной деревеньке
простой амвон кадило развернувши
слепей неотменимой суверенней
Уж сколько дыбом дыр — а им нормально
баталиям упасть перед наградой
Включайте же напоры тьмы термальной —
фонтаны водосвятости народной!

* * *

памяти О. Ш.-Ю.

От Святого Колодца юлила тропа — никого
шишкам не долететь не царапнуть окно

где коляской прогулочной кто-то вдоль поля рулит
то ли зелень дырявя смыкание плит

Иглы рыжие свежие перемешались в совке
ничему не должник — отчего ж тяжелей налегке?

Из товарных и скорых гудков из шмелиной возни
замедляясь нашарю — ты тоже возьми

пух распятого сором и пылью луча
на клеёнке веранды о чайных кругах лепеча

Чем тропинку (извилинку вены) прижгу
Зазвенит от шлагбаума будто готовя к прыжку

будто путь к нам закрыл полосатым перстом переезд
а тебе не сюда — разве вдруг высота надоест

(1985 и тд)

КОЛОДЕЦ

Цепь звякая
до предела в отмот
обойдётся без якоря
тьма двоякая
тяжесть уймёт
Переплеск — неподъёмна
правда смытой вины
рёбер вёдер не помня
а в подхвате они
гнутые искони
Оскользясь по глине
босиком ли внахлёст
свод же как на помине
чем-то совестно синим
сгорбит рост

ИЗ ТРИПТИХА ПАРЩИКОВУ

Слова то набок то не без войны
а всё ж Алёша в самый раз даны
излучина и трасса подвесная
под эхом клятвы Герцен-Огарёв
незамутнённо тлеет уголёк
фантомным заземленьем изнывая
Так на виду мембраны Лужников
трамвайчики бухтят не успокоив
фанатов рёв струение левкоев
пионовидных георгинов кров —
их сцепку — этот сцеп всегда готов
перегрузиться от грозовых сбоев
Откуда оборвём круиз дугой
на пике болтовни о чём попало
в смещённый фокус башен и анналов
по умолчанью выхватив — удвой
хруст поединка измельчённо талый
реальней нас осколок здесь любой
...На паузе мультяшно день завис
есть разворот для робости провидца
но мост как хорда или же дефис
натянет клятву (ей не запылиться)
о верности апостольским верхам
той тетиве чей резонанс упрям
с истомой покрасневшей на миру
как в жмурки недоговорённой
товарняки мелькают — ту-ру-ру-
на кровь не отзываются вороны
туннель метро упёрт в подъём строки
отточенной как Боже помощи

ПОЛУКОЛЬЦОМ

Екатерине Дробязко

Я бы засуху сузил
параллельно подкове маршрута
лоза разворачивается чуя клад
подсолнух «земля-от земли» «воздух-воздух»
пахнуло Полтавой
от скопленных Третьим цистерн и открытых составов с углем
алмазное стёклышко
пласт чернозёма
меняющий линзы подросток
до бочки плашмя с мотыльковыми лапками
летит с чьей подножки а мы лицеисты и возрасты смяты
козырёк Лужников точно губы срамные
теснотища касаний дуга на дуге
крепче узлов центр цветка
в шубе навынос как микрофон (вздутая пагода)
альстрамерия самый обычный камыш
зренье режется кости обмыты
с черепах Луна-парка скатываются велорули
приподыдем веки фантомной Москве
и чиркнём по её же канве
крест повис или мост передвинут один и ещё несинхронно
с шилом сердца (точнее двумя) или раструбом Иерихона
нарастает петля слухов о похоронах
Живчик взрыв он лелеял и слал его нах
Мы встречаемся на расставаньях Алёша
мартирологов сказки ревизской
из «Ожога» Аксёнова — эта посильная ноша
если финиш расхристан

где-то рядом и Сева Некрасов со слога на слог
Лосев (не философ а слесарь ироний прыг-скок)
и менты что на «зебре» тараня беременную
паровозом возлягут под Анну Каренину
Ты замкнул эту лествицу если б знал что замкнул
сок черешен вобрав саксаул
небо стянуто степью под мессу ходьбы хоровой
будто ленточный червь запасается чистой петлёй
перемен и панелей приборных
«и приборных панелей» — от зеркала клятв
отпочкуется «ай ю лав»
к листопадам неврпродых
или меряя вёслами прочность речной тетивы
неужели замкнём? — только-только мертвы —
путь взмывающий в бок путь который курок
место склона путей место силы путей рук на запад-восток
ну конечно же юных — нашепчет любой трансвестит
Святый гнев подсвистит

НА ФОНЕ ВОЛЕЙБОЛА

Синусоид прибойных галькой поразвезло
под замах волейбола соляное гнездо
разрушая иссохше запершила труба
кáтера — не за то же сеть узлами слаба
из медуз из шелковиц — солнце нижеет их клин
перевёртышей — кто есть кто средь брошенных мин?
Колоти хохотунья как с листа — и отбой
под «свечу» от Катулла блок успеет двойной
сплошь приёмы командны штурмовым ли песком
наблюдателей нарды живы тем же броском
кругосветка совместна в арсенале подач
но запасов Самтреста не хватило хоть плачь
Далеко ль до искусства? Половинчат стакан
сны над снами пасутся и теперь вдребадан
возвращённая точка запасаёт прыжок
тах-тарах катерочка он про что там движок?
Про закаты-восходы по разжатой петле
от любви до свободы — нет меж них на земле
нет пространства — буксуя оттрубил волейбол:
за улётное все режь последний глагол!

* * *

Автобусик трясётся едет
а на дорожном знаке стрепет
(орёл? сапсан? — не разглядеть)
баючит мрачно степь да степь

Масонский скрючен треугольник
(лист из альбома пирамид)
его усталый хищник холит
по ржави пёрышком скрипит

Как флаг как флаг обвивший древко
сапсан ли стрепет — кто-нибудь! —
вполглаза оскользаясь цепко
мнёт мнёт и мнёт свой падший путь

ПЕРЕКЛИЧКА

Тени прожекторов — спруты и осьминоги —
стенам и потолку есть оживиться чем
нежен экранный зверь вальсом Ротару Доги
если не диск-винил где он — другой эдем?
Диагонально трезв как психиатр-настройщик
рясу не сняв звонарь обстукивает башмак
из-под цистерн кряхтя «красный» пока отходчив
погромыхала связь — и подняла куряк
чтоб разгрести апрель лампочками подсобок
— тенью бела скользны ложная полынья
круглый поисковик с чайниками бок о бок
в родственное нутро вкось кипятком плюя
Сдуты и лом и серп манией триколорной
башен прессуя пыль — кто там Близнец кому?
Клининг до чистоты пахнувшей той же хлоркой
до золотых крылец осовремень тюрьму
Щупальцами гвоздик устланные матрасы
номер под гром «Лаванд» ловит на слух стоп-кран
уст заодно уста избранные горазды
клятвой шушукать кто кто здесь раскрыться зван
сбрасывая в дыру пьющую монотонно
из антрацитных искр их же тоску дождя
Масло и керосин выжаты белладонной
поводов для войны может и не найда

* * *

В наших широтах — они же высотах —
горю дарёному в зубы не смотрят
не подберут по плечу
эту премудрость гребни — не хочу

в подзаряжаемых целое лето
как караулы почёта дождей
драгою разве и выгрызть всё это —
страх и достоинство — выгрызть разняв

Крайний здесь кто? За газетной картошкой
разоблачений в толкучке смиришь
семя души срамотой городошной
пашет ворчун бережит юморист

Ветром усталым беглянка набита
обетованная клетка груди
и медновсадничье — с понтом — копыто
замерло словно из «Ну, погоди!»

Поочерёдно закаты-восходы
мчат без хлыста всё быстрее всё быстрее
и отставая капли свободы
много плодят по воде пузырей

(1987)

* * *

Арустану Жолдасову

Бессмысленна беседа вряд ли
её путей сплетутся грабли
курс от излома на измор
всплеск струйный повторяем скор
на фоне аномалий многих
кто сломан или уцелел
народ-волна магнитясь в Боге
то на дыбы а то с колен
отряхиваясь от ворчаний
его «сдают» — летать горазд
ко взлётной же к первоначальной
умерим боевой окрас
пунктирны трассы этой ряби
а значит никакой но след
мы огонёчков струйных ради
движимы речью — разве нет?

ТРОС ЧЕРЕЗ РЕЧКУ ЮГ

1

Из-под мостка путём улитки включает грейдер «петуха»
Мешать зачем? И всё ж оклики — трезва природа и глуха
а перед кем ей морщить тучи надраивать смиренный лед?
Отвечу: «Истины — текучи!» — река вопрос не разожмёт
Она вопрос не разжимает подковой нежась речка Юг
лёд льдами в ступе пожирает об идолах а те встают
по серым склонам для острастки как маршал Конев монолит
полным-полна убогость сказки от вышки вохровской фонит
Авось коробушку призывов потянет чей-нибудь бюджет
мосточек под ногами зыбок раскачивая злое «нет»
Крысьё небесное вороны унюхали: твой бизнес — тлен
здесь лишь иллюзии бездонны простого забытья взамен

2

От в кучу согнанных кроватей дед-бомж петицию вручил
улыбкой — нету виноватей (на языке следы чернил)
мол передай кому скорее: из дому выжила сноха
и что в сосульках батарея а голова совсем плоха ...
Пигментны пятнышки на вые затмив седин лесоповал
кутята жалобы худые — я в этой школе ночевал
скукожась клюква и брусника два блюда — слаще и кислей
кому покажутся? Плесни-ка шагов на мост! Забудь! Испей!
Но вновь гудение на самой развесистой из середин
лесок задразнит голограммой (ишак припомнишь Насреддин)
как вкопанный схвачусь за тросы а обострение и у них
не перейти мне за вопросы из неразжато нутряных

Отсюда с птичьего надлома на зависть — ни назад ни вбок —
 повыгоняй меня кулёма чтоб волей душу перемог
 Костыль кому от погорельца? Кому — амурова стрела?
 Примёрзнуть сбегать утереться — всё вперемежку мал-мала
 Свободой наконец припёрло блеснуло по нахалке вжглось
 но мы вросли непогребённо (хоть и раздёргивает вкось)
 в трамбованные котлованы а перед стартовым теплом
 теряя нить своей нирваны её же сослепу сплетём
 К сочащемуся белокнижью ребро нацелено смолой
 Здесь ветра нет и не обижу Отжали — да и с плеч долой
 Из перестроечных проталин ручей бурлит про Колыму
 как помощь я гуманитарен выходит что и никому

Стоянью силы мать родная протяжнейшая из пружин
 мерзлынь без мути без раздрая в которой стрелочно дрожим
 вдвойне — знакомо пуповине чем держится секим-душа:
 нуль тяжести с нулём промилле — их свистом схватка хороша
 Но угораздило же въехать разомкнутой речушке в пах
 подвиснув на стальных доспехах магнитно а не впопыхах
 Несбыточною просьбой когти грузите лёгких два мешка —
 я не куплю зашитой плоти рубцы не перетрёшь пока
 потоками соударений мочёных ягодных кровин
 с поместным столпником смиренней желателен аквамарин
 а полынья или полоска над глухотой иных природ
 точна увёртлива громоздка — и берегов не подберёт

ВЕРБА

Межа ли могила
за вербой иду
она их кропила
на запах по льду

Сама без отмашек
а я-то при чём
никто не подскажет
оврагом ручьём

к причастью отчиткой
имён по следам
сквозит приоткрытый
застенчивый храм

на запах распыла
служений сырых
могила могила
зияет из них

валы Вологодья
за те же флажки
как будто в исподнем
потупясь зашли

овражисто-горькой
нацелена гладь
над светом над зорькой
себя растерять

РАЗДВОЕНИЕ

Под стенания Дэвида Боуи («Хайвэй в никуда»)
от вокзала трамвай — три копейки на донышке
кассы бренькнули — Вологда где Кулунда
или мамин запыленный Троицк в нетонущей
европейской зиме накануне Афгана? Без чувств
у двери на Лаврова Петра (вновь Фурштатская)
на звонок не спешу нажимать и топчусь
(пусть исчерпан тупик — за исчерпанность можно держаться)

Где-то в этих пределах из ванны пора вынимать
Варю кукольных глазок и выем ловчее Сереже
кто сияя готовится в дьяконы юный мой зять
(исповедуя тестя его безотцовщину тоже)
он продвинут а вскоре и рукоположен
и уже настоящий и в матушках Маша (не спать!) —
здесь сойтись на румянном просвете на божьем
всем — ширк-ширк — и к заутрени строим — ать-ать!

Глюк ли тёзки царя-псалмопевца гнусавя
про какую-то прерий ковбойских буквовку в ночи
о советски замолвленном слове про бедность гусара
что забыл? — и откроет зевая (не сразу) святая почти
стужа пораскачав над крылечком натужные ватты
а серьёзная внучка-грудник пузырьками сверкая кругом
умиляется мылу стекающей плачущей правды
приглашению на этот же свет что как равный на том

ГРАЖДАНСТВО

Паспорт меняю (красный на триколор) —
поизломался скреп знак водяной засален
свежее полюбить всё не могу в упор
даже и головой будто среди развалин
ретушью войн являюсь перемешался с ней
с мхами на валунах и ни за что крышую
аленький бережок лужу для сизарей
солнца бесцветный вал осень его большую
Так вот и не сдалась из-под обеих ног
кляксами на гербе брызжащая страница
сам же себе орёл откуковал «ёк-ёк!»
перьями штамп забит это и не простится

(1997)

* * *

Б.К.

Сочтёмся счастьями, Бахыт,
смерть не за нашу честь,
ей, кобре скользкой, лаз открыт,
вверх тоже выплеск есть.
Приспичит ангелам в мороз
тереть про паруса,
их диалог простоволос,
как светополоса
на Пресне, у Никитских врат,
мол, поздно пить крюшон
и «Абсолют», а ты патлат,
прищурен, оглушён
сквозь пафос, хлюпанье, вытье
сирен или цепей,
сквозь всё небесное своё
позёмочней, острей,
цитатней — через край наждак
зачищен будь навскид,
и сам захлёб — точнейший знак:
смерть — лишняя, Бахыт.

КОМАНДИРОВКА

Была пора постдекаданса
и пост-застоя на боку
кто б ныне в крайности кидался —
свобода — вот же ведь могу
расправить мышцы — не сиделось
и скидками вооружён
смахнул обтрёпанную зрелость
былинный хвост за миражом
С героя смеха о былом
сползает пелена провидца
для откосивших расплатиться
есть шанс во взлёте затяжном
так от Сухиничей в Белёв
одноколейка по Козельску
всё хрум да хрум роман-газетку
призывно выцветших щитов
Я осень тамошнюю метил
своим вслед прыгая шагам
полынь бодала по щекам
неугасимый свой же пепел
а чудо-юдо рыба-ёрш
пластинку грызла-полоскала:
«Умом Россию не зальёшь
усвой хоть это для начала»
но усвоенью веры мало
душой которая сложна
все все мосты она сожгла
к той мысли чьё пустеет жало
Крошился горе-матерьял

о княжеской забытой Богом
больнице — классицизм терял
частицу «лже» на фоне строгом
рванья — и у него есть срок
ни там ни здесь туда-оттуда
свистать — а это я продрог
укрытый в саван парашюта
Гостиничные зеркала
меня подзагипсуют в иней
жизнь — обернись — насквозь прошла
былинная — ещё былинней

(1989 и тд.)

НА СЛОМ СТЕНЫ

Об омуте предзимья фары грезили
фонтаны отключённые — о гейзере
мент озадачен — шествию опорой
не обещая заварушки скорой
отодвигалась трещина сосущая
судьбу или ещё того мгновенней
под колесо буксующее случая
сквозь переподготовку дуновений
Цвети же к ней болотная испарина
разрытых труб заподлицо сиротских
медь зеленея тщательно состарена
таз вместо шлема Россинант как ослик
вжик-вжик цок-цок — падение сокровища
смычок да переплавит по виоле
а с ним и подбородок Ростроповича
куда-то улетаая в той же доле
в неближний свет который вдруг разведочно
брал вырванные лица перекрестьем
где и своё восстановить по клеточкам
не будет круче пусть итог известен

(2009)

ВЕНЕЦ ЭКСКУРСИИ

Нескучный Андреевский — далее амфитеатр
дуги Воробьёвых трамплин смотровая —
легко методично коллеги себе не вредят
а я с микрофоном всегда текст менял привирая
Сюжет зеленел эпатажно беспечно юля
послушен изменам и вновь ускользающе живой
там Виктор Боря ответ здесь блеснула земля
сквозь вереск без мёда сменивший шекспировы ивы
Встречайте! Я сам теперь с вами кого заманил
вот в этот круиз к нижней палубе вровень
течению — к шуму и к брызгам в распыл
отрывочных связей — несложно устроен
ваш профи-болтун собиратель колеблемых дат
то складчину то на халяву стихийных поминок
когда развороты гнусаво гудками велят
держаться всем страхом за пряжу канатов травимых
Мощнее пожилистей давняя гнулась река
и бакен пока не зажжён прикасаясь предплечья пылали
по-прежнему трудно довериться (совесть хрупка)
горячему нечто лучистому в тесном бедламе
разверзлось оно свежий лик беззащитно храня
сад мост монастырь — вызов шпилью высоты
у них замирение на счётчике чёрного дня:
два долгих удара и россыпью — стрельчато кроткий

* * *

М. М.

Разъехались заезжали — так предреклось друзья
(пусть в деньрожденческой печали) я первый — но и вам нельзя

не суетить

Перезнакомлю сведу на посошок — и вот
клён изветвившийся по комлю обкорнан пущен в перелёт

с невыковыренной извёсткой побелку не отмыть морщин
накачивая ширью волжской буддистской плотности аршин

а чем ещё измерить гонор и лес и цирк и космодром?
Крепчая разметённой кроной сойдёмся ли в огне простом

в том баламутно колыбельном среди олив или крапив
припав к усушенным поленьям и трассу щепок окропив

* * *

М. М.

Жёлудь в миске оловянной оболванен стрижен ёж
ксп-шные кальяны — раз на раз а там и сплошь

по раскуренным по мокрым головешкам бег трусцой
нерадивец-жёлудь дрогнул — от военно-полевой

поотвык от поплавочной качки вправленный в неё
авиа и просто почтой — где доставка? Где жильё?

Без «Фетяски» разве ласки? (лыжи — без «Спотыкача»)
Чокнемся по-Ранаански полтора ли два ключа

нотных кодовых и прочих впрыснув: «Распрягай талант!»
кукарекнуть трижды кочет не успеет — налетят

«сим (и только) победиши!» — ведьминские огоньки
ветровому «Мицубиши» клясь наперегонки

за стеклом же Ляльки (обе) Яшка Звягиных семья
царь-Саркис (он тоже вроде сдержан счастье затая

киллер-шмиллер) — тили-тили! — фильтр завесили фатой
с тополей же пух флотилий сплющило до запятой

от вокзала до развала миг испорчен жизнь плашмя
НЛО-шницей летала миска — в дамки не прошла

а на оловянном ложе извертаться без молока
жёлудь-ёж (ручной похоже) — или сдутый но пока

АВГУСТ. ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

Пустая проезжая часть — оккупанты ушли
тревожна готовность кругом к обороне
спешим возмущённо едва из-под мутной клешни
теряться на площади потусторонне
Играя любимыми бликами ждать и терпеть
отмашку даёт морсящая твердь
про то ли мечтала цепочка молекул
когда по Садовому пленных вели
когда под собою не чуем земли
заправленной властно и мёдом и млеком

Но руки всё чешутся — сжать бы цевьё
вихрясь реактивною честной толпою
я сам лишь остаток ошмёток её
сосущего эха сцеплюсь и закрою
букетом гвоздик трусоватый приказ
давить к матерям нас отходами ТАСС
во славу кидал (но пока без напёрстка)
а мы и рассыплемся вскоре творя монумент
мозги стопорит пропесоченный льдом реагент
и миг торжества в отражение своё да упрётся

СНОС

Гость Железный ли Медный гнилым
вздёрнут зубом и отвезён

в Музеон — это что за калым? —
очистителен звон

в нём на Преображение три дня
мы теснимся ликуем схватив

проблеск неба — такая фигня
ну а если протру объектив:

дорезают четыре болта
засудите и суд и конвой!

Я хотел бы унять — ни черта! —
этот сон корневой

* * *

Дане Петрову-Ляндю

Сиренами расшевелило хворост — уймётся философский переклик
костра под вечер — дружеский ли холост —

за малый круг апреля он велик
и явно просочился между струек засады с присмолённым фитилём
кто риск ловил а счастьем не рискует — не пойман вор

и мир как вор при нём
Бездомье отзовётся раскладушкой у электричек яркие рога
привычны матерку на сон грядущий (гармония уже и не строга)
стоп-кран опутан сетью расписаний гася попутно газ каких начал?
Не окликай — сбываешься желанней из случая что вас едва узнал
И угольев удерживая стаю вдохнётся вольность юных и тупых
сыпуча горечь прошипев «Спасаю!» но к небу жар ускорил соловьих
Скорей скорей без опозданий выход к перрону звёзд

ступеньками на взлёт
где турникеты сдавленно и тихо подвисшие мигают взад-вперёд
Унесены попутно и заборы невольные поминки тишины
мы ею переполнены здоровы мы вновь из этой тьмы насквозь видны
дымимся тлеем острым же однажды участком нестихающих путей
перед цунами чёрных дыр отважны (поёживаясь если холодней)

И ВСЁ ЖЕ, ВСЁ ЖЕ

Киоски точно сталактиты
импичменты под МММ
из-под спины кто вдруг маститы
дождались гады перемен
офшоры кинуты на паперть
Манежной вместо — котлован:
послания солить и прятать
днём ВДВ заткнув фонтан
Россия Блока и нацбола
по двадцать тысяч горгонцол
всем должники за боль годов
от «Балтики» до конской «Гжелки»
менты мочившие ментов
залимитованные ЖЭКи
попутный газ простим баблу
наружу что ещё сболтну
харизме — рваные одежды
корпоратив оле-олешный
а заодно всё что не съешь ты —
катетер вставленный в Луну
те пирамиды или дрожжи
ничем не скованные рожи
боль-бизнес класса эконо
боль-призрак мыса Меганом
накрылась тазом вздута пеной
неотменяемой отменной
честнее вынесли б навряд

(а вот не надо — говорят...)

(1998, 2023)

* * *

Просёлочная щебень кучкой — зато стозвонен звукоряд
и предваряя вечер Тютчев Фет с ласточкою запестрят
акафистами (к ним подсажен удар пониже частотой)
обведены таким пассажем крылечко с тоненькой сосной
и мой Андрей (ровесник ейный) — тельняшка велика? Отож!
Добро бы к Байрону и к Гейне — он и к Ахматовой не вхож —
не Гильгамешем (из служивых) не ямбом (что хореем пьян)
едва-едва уловлен в жилах слёт кантонистов и древлян
Откуда сей запас отцовства? Чуть-чуть не в теме — внуков пять
шесть семь и восемь — изготovsky культурный слой
с икон снимать —
по глине скользкой неуклюже мы в Оршу а не в Иордан
скользнём — и пустельга закружит стрижи
зинь-зинькнут к холодам
теченье теребя — вот-вот и взойти трещотке-соловью
два с кровью хоботка — две ноты — хлопком на бреющем собью
а что к поэтам никакою мой реставратор стороной
перенаправим их рекою — и свист и тьму и геморрой

* * *

Не различим с районной с трассы
колодезный настил
растлят его сгнивающие массы
он сам себя растлил
как все распяленные дупла
перезабитые золой
навалом ссылок в мясорубке Гугла —
моей же нет одной

нет линии — всё что-нибудь ветшает
неправильно болит
цепляется за призраки венчальных
корон орбит
Сосновый саженец разросся
креня страдалицу избу
сын-одногодка меткостью даоса
гвоздит её судьбу

Конёк по факту над худою кровлей
(внизу ли был зачат?)
в тельняшечке он лыбится прикольной
забив на сопромат
ссутулясь из-за метра девяноста
стучит себе упрям
загруженный программой отцовства
и в пику петухам

Когда по знойной пыли (редко-редко)
приеду — старшинство за ним
в коричневую Оршу мы про это
поплюхаемся — и аминь!

Струй ледяных течение стержни точит
стреножено ордой
стрижей чей резок низкий прочерк
на дне искры одной
прохватывает рвущуюся нитью
— ауканья кровей —
одно всё к одному (другим не быть)
Ещё! Ещё одной

БЕРЛИН

0,5 пропустят лишнюю в бауле
(подарочна меж печенью трески)
но пишущую Unis завернули
Ура! Где приземлился — там рискни
по трапу простучать — все чувства
заглохнут остужаясь как винты
травой январской — зелень ей послушна
она трава травой — а ты? А ты?

ПЛАКАТ У ВОКЗАЛА

Зима-не зима а второе дыхание роз —
её лепестки на билборде модель спеленали
собор отодвинутый к мягкому небу примёрз —
и оба стерильный сей штатд превратят в биеннале
избыток ванили у опции «всё включено»
заряженный фокус морганий слежения камер
в цепочке проверок: не всё ли тебе кочево?
Чисты ли намеренья слишком уж пафосных «амен?»

Кругами свербя чуден голос неведомо чей
билета обратного дату забрызгало кельшем
так скомкай порви заодно и кислятину слей
судьба обнажилась не смея помыслить о горшечке
Повёрнуты жалюзи планки — ребро за ребром
платформ декабря под копирку румянится стая
допущен к непуганым старцам плакатный роддом
(беременны те же — Сусанна-Венера-Даная)

«Просрочена годность счита, — гений «Скифов» отметить, —
у кассы приветствую желчью шуршанье пакетов!»
— загробье нас любит чуть что и починит комедь
режимом ручным утихающий орднунг отведав
Скрежещущих сфер представления — рельсом об рельс —
огонь не добыть по-дикарски — удобно сфасован
он тайно же здесь не живя по-сектантски воскрес
в ню в розой прикрытую ложь (как и должно масонам)

ГЕРМАНИЯ

(по мотивам 90-х)

Раздёрган сорняк и шиповник до пульса
от «Боинга» выхлоп со сливками жгуч
«чах-чах» на лугу гибкий шланг поперхнулся
за лесом ревёт автобан аккуратен кипуч
зажмурясь Реза на фарси после паузы «эссен»
о мире голодных заводит под яблоней гимн
отскоки пинг-понга взрываются бранью на сербском —
я сплю как поэт здесь как бомж — всё приравнено к ним
росой и росистым же светом — спиной изъелозя
весь в трещинках как черепаха утюженный грунт
я счастлив растянутой по небу каплей наркоза
пусть лайнер за лайнером дни на посадку грядут
но гимну под яблонькой петому доза безвредна
но долготу сердцу шипами в распыл предстоя
пусть чертополох разрыхлил занебесные недра —
не врубится в счастье его выхлопная струя

ГРОЗА НА БЫВШЕЙ ВРАЖЬЕЙ

памяти В. Б. и Ю. Н.

Клинышек холодного мая тучу летящих кремлей
храбро на грудь принимая шнапсом-зубровкой залей
самозабвенно горланя выкроим фон для светил
тёртым баяном Юраня очарованием — Билл
При неуместном запое квасу излишен кашрут
есть же словечко такое по-нашатырному: «гут»
стаей валькирий для вида грозно шныряя впотьмах
ты погоди Немезида с Нике о трёх головах
ваш поединок осушим не промахнись накажи
женским слезящимся душам ступой толочь миражи
ждать королей карнавала бомбометаний конфет
горечь мешки накрывала — есть за ней что или нет
здесь в занебесьи сиротски мёртвою хваткой стола
невозвращенские гости держимся чья б ни взяла
сдан ли билетик обратный смазаны даты пусты
простоволосы парадны сизым зубцом высоты
сядь же подсядь кто согласен — хоть бы и весь легион —
кто наущением басен из-за бугра подновлён
об обязательстве вражьем — всем без обид как один
крест обрести а обрящем сна поминального клин

АВТООТВЕТЧИК

Свидания окончены беззвёздный час вставай
греко-турецкой кельнщины твой социал-сарай:
два ромба перламутровых (вполне солидный стол)
плюс из кофейной утвари две чашки разных школ
настенна (весом с Геринга) колонка «Валиант»
газ — синенько и беленько урчать его талант
в укор автоответчику мефисто-молчуну
выть мог бы на беспечную большущую луну

мог — только вместо логики без срыва и звонка
есть вирусы двурогие по дебрям ДНК
мутируют на волюшке как за карнизом сад
он Камасутры воющей провайдер-шелкопряд
один и тот же досыта глазок что начеку
заходишь — прямо с Моцарта врубай по Шевчуку
от родины-уродины контрольный дисбаланс
я не уверен годен ли достоин ли я нас

перевключённо пыточных помолом этим в пыль
Эмильичей на цыпочках и бодрячков как Хиль
есть доски (пусть разделочны) есть хлебным резакам
точилка есть (по мелочи) помимо «Аз воздам!»
навёрнута прикушена иссохшая красна
есть глупостям отдушина космически одна
осадком тёплым с чашкою там чашка говорит
газ убавляя спящему глазку глазку навзрыд

В ПОЛЯХ ЗА РЕЙНОМ СОННЫМ

Приличий улыбочки на иностранном
отпора отчаянный мат
как рваная музыка над полустанком
и правильно — сам виноват
Мой велик вихляй — изумрудна капуста —
чего б зарыдать с поводка?
Накатит накатит в гортань Заратустра
а ночь коротка коротка
Расслаблены скрежетом неодинок
педали — ночная жара
вальсируя чутко смыкает итоги
в мгновенную жизнь комара
Ему любопытны его перебила
геройские буйно взахлёб
вилочков квадраты и сердца крапива
(далече товарищ загрёб)
Но истому Зигфриду тесно в осаннах
когда б не н.з. матюги
улыбок ему не сносить иностранных
а мне помощи помощи

ГОРОД

Торжищем он опознан золотом по мечети
у подуставшей стражи сменой такие ж дети
Входом к условно Гробу таинство пробиваем
«Иеру» от «салима» — током — в «Ерушалаим»

Кто я — родства тетеря? Несрезаемый угол?
Весь в обмахрѐнных связях чьи полюса попутал?
застываю ступенькой (если б владений личных!)
«вечно» — синоним «нынче» (истина вне кавычек)

Скорбно вокруг рассвета сдан караул раскачкам
воск облепляет «было» — надвое множа спрячем
ломкие — аккуратней — свечи во мгле подобий
образ под униформой (или фитиль о Боге)

ЗНАК

Превратиться не пробую у Стены
в колокольное било
Щели примут желанья грехи — сметены
прислонись — отпустило
Испытуем в упор сединой из ушей —
не сгожусь для поклонного братства
хоть верёвкою старец в тфилине обвей
мне предплечие но вербоваться
уклонюсь знак давая — за этот отказ
«сумасшедший» клеймо заслужу от досады
мы ведь нервом родня (и отпором как раз)
даже блудным потомкам вне времени рады
М-16 стволы с хрустом свадебных риз
вперемежку зевак и догадливых тут же
близлежащей геенною вынутых из
лабиринтов обряда отдельно и вчуже
Запечатан ожог перекрестьем впитав
старика что на варварском помнит словечко
знак «Тебе не сюда» на высоких вратах
укоряюще врезан и шестиконечно
будто всю маету первородства верни
почему б не хамсинам обшарившим нишу
после бьющейся в стену блаженной тени
я внутри у неё и не жду и не вижу

* * *

Жигули привнёс Иерусалим
из проёма полуоткрытого
как из-под раскопок непредставим
одурающе эвкалиптово

Снегирёнка просят к столу орлиц
отдохнуть под лопасти вентилятора
стужа новогодья чей шлейф смолист —
пеклом тем же и перепрятана

А теперь и эти поводья прочь —
тайный кесарь сморгни от скромности
но пока разлук отлипает скотч
вещи где попало и вскорости

меркнет за менорою пятый пункт
трудятся масла не вечерние
паутине выхода солнце ткут
буйноствольные виночерпии

(1998 и тд)

ВДОЛЬ СТАРИЦЫ

Прошелестели шины — накат откат
жаб чичичоки-чмоки захлёбы лая
лето больше не птичье — ничьё — и над
ловишь его подобно чёткам перебирая

Неисправимо въелось до запятой
сброшено в переплавку всё а теперь прохлады
лист посвященья вырван из книги той
где остальному тесно без листопада

трепет его зависнув предштормово широк
изрешетились днища хитов попсовых
порох ли пистолета стартового подмок
что нам перепророчит беглых салютов сполох?

Выдохнули два пруда (мостик меж них намыт)
зная себя по слухам старицею днепровской
шабаши мотылёчков слиплись в метеорит
и застывает ладан перебродильным воском

Байкеры оглушатся взлётною полосой
даже у караоке — не продыхнуть — лохмотий
заячьими ушами травмою родовой
тормоз поотпускали (он же их и поглотит)

(2019, Киев, ул. Радужная)

* * *

М. М. километров меж нами — рыбак размахнись
размером добычи похвастав — она без границ
и лучше забить на масштабы оставив как есть
пусть Рейнские отмели... нет... это слишком... не здесь

— Уйдём... это ж та сторона... помнишь два пацана
зигзагами искорок длили рассвет дотемна
под слабым нажимом раскосо проворной лыжни
(крепления к валенку жёстки но тоже нежны)

Германия — калька с загорожья но разве черна
отсюда Отчизна? Что чувствую? Да ни черта!
Смешливые красочны стайки — что их веселит?
Неужто мы ждали парада разбитых корыт?

Над Лысой горой Средиземья слоится закат
за островом струги пьян Стенька фантомно женат
княжну откачали — нигде у неё не болит
Зачем возвращаться Адаму к владеньям Лилит

ракитам и пням из-под снега (не твёрже песка)
к бурливому стрежню к лыжне что уже высока
размытому выхлопу — кладу который сверкнёт
с концами поймав перекрестие наших свобод

ОСЕННИЙ СПУСК

Грусть мудра-премудра (завсегда воспарит)
мы зубрили таблицу её алфавит
мутный ливневый снег бульк внутри батарей
темень смены второй (почему-то белей
потолочных лепнин) гололедиц каток
от зубов нескончаемым эхом отскок
сочный говор училки в наплечном платке
кто кому друг-братан слитно и накоротке

Отутюжило палую россыпь листвы
очертанья души наконец-то ясны
вверх по жёстким пескам уползли катера
кто поможет осадит поймёт что игра
прикололась прощанием дав мастер-класс —
я размою и этот урок про запас
отскрипев переправа тайм-аут берёт
из продлённого сна включен автопилот

Тварь ты или дрожащая память душой
возвращенка — убавился ход холостой
у меня может вместо души только взвесь
примагниченных бурь — встретить откуда невесть
охрой серой свинцом переполнится вдох
сквозь бывшее «потом» скользкий спуск не заглох
расставания вымрут — где ж спрятаться им
неуклюжим отмученным и подкидным

* * *

М.М.

Вслед за порошею ползучею
перемежающей бесснежье
свезло наверное по случаю
аукнувшись такой же свежей
рекой не склонной к философии
зато морской ввиду разливов
(её оттенки обособлены
сетчаткой моросей слезливых)
родиться на бегу пешочком ли
где в числах вечно переменных
а то и жилками височными
рифмуясь как лучи на стенах
...Гудок захлёба сходен скрежеты
шарф первых рук прилежно вязан
и это колкое бесснежие
нас нарисует но не сразу
чуть сдвинуто а всё ж играючи
под изморозь листочков хрустлых
до всякой жизни отрезвляющей
беспамятство своих же устьев

ПИГМАЛИОНУ

От деда с бабой укачусь (и Будды)
сковороде не колобок приبلудный
не кукла и не дрель-коловорот
а первый блин (сам по себе народ)

Жирны печали но сушее соды
урод не принимаемый в уроды
не жертвенник и не самоотвод
пусть анти — всё равно народ

да теневой пусть да плоть моя сырая
кормящих похорон не признаёт
дитём в твои ходы встречаю
я этой манной за народ

КАК ВСЕХ ПЕРЕВЕЗТИ

(из школьных задач)

На весло налегаю — крепчает мозоль
под капустный раздрызг под «Пся крев!» и «Позволь!»
уцепились бородки рога и клыки
от БГ и от Шамбалы Марка-Луки

Закрывается небо — ладонь на двоих
перевоз отменён сухарям нахамив
заодно и попутных шерстинок тряпья
мешковину сгрызая топя

Кто умён — он искусству дарует оскал
караул отштормивший повторно устал
многорожью почёт (по закону копыт)
а «ура!» и «вперёд» — дикий зов поотбит

Почему б не кутнуть с облаками? Здесь я
не знаток не ужастик — предстатель зверья
в лодке всем нам одной под капустной трухой
муэдзин-альбатрос Иоанном ли взвой:

«Да хоть волоком через муштру «откажи!»
бубенцы вырывая из сердца козы
стань кочан по морозу надышанных книг —
от которых презрением волчьим отник»

(нулевые)

* * *

Сергею Рябчуку

Не будем ковырять
миф разве так уж плох
о днях чья скатерть гладь
не оставляют крох
заочный курс тепла
куда и без ветрил
морщинка пролегла
туннель её открыл
переобутый свет
осколков и концов
рингтон ли силуэт
отважится на зов
излишки удалив
пожатием бровей
приёма судный миф
зачётней втёрт верней
в твердь прибранной волны
Арбата за углом
где вспать обнулены
в остатке на потом

ПОВТОРЫ, ПОВТОРЫ

М. М.

Птичьи шумные числа
серый блеск с желтизной
первообраз случился
дни — шестой и седьмой
этой дымчатой тайны
с крапинками тылы
как намёк ритуальны
незаметно теплы
площадь зыбясь под боком
вспых меж скверов реки
бьют мерцательным током
из откуда чутки?
Рано ли загустею
преизбытком смолой
Одиссей Одиссею:
не смотри — кто не свой
точечно где залито
стёрто подметено
видимостью зенита
переуложено дно
Трубчатые прищепы
не отгрыз колобок
обе страсти нелепы —
к небу и наутёк
но звоночки сентябрьски
распускают петлю
за петлёй — для острастки
для последних «люблю»

* * *

Каток ледок — пропал урок
с руками (плеч на ширине)
Халат белеет одинок
я тоже (но вчерне вчерне)
пока не падаю скользя
не сваливаюсь в те года
чей суд и стыд изъять нельзя
ты там бессменна и одна
Туман размерами не мал?
Что ищет он? Каких дежурств?
Пора взлетать но скользко мам
с тобою на руках держусь

ЗДЕСЬ ВСЁ

Готикой честь отдаёт облепиха
перед перроном скрестя веера
бюргеры припаркуются чтобы лихо
дальше по рельсам нестись из вчера во вчера

Будет суббота прохлады вечерней
от строевых от подровненных веток желта
жмурится колокол кирхи типом качелей
споря с каким никаким откровеньем куста

Этим загробьем шлагбаум опущен
перед омегою-альфою «все мол умрём»
чуть смещено чуть расплывчатее в грядущем
будет по вере перештамповано сном

ибо смирение схожих навтытяжку ягод
встретит кивающе и за чертой
нам не вернуться откуда — в бесстрастный порядок
из сурдокамерной яви в объятья другой

...Пары вагонов стыкуются двери
лязгом стрижиным полны провода
край колокольных суббот раскачал и отмерил
столько нам жизни чтоб новой опять никогда

(девяностые)

* * *

Не прилажена рифма
к зорям двум на качелях
тьма сама себе кривда
чем же правду застелят
стрекотаний усталых
подоткнув одеяла?
Соль степная в суставах
землю ей отмеряла

Всё пичужней всё тоньше
скрип взметённого троса
в нём и вязнешь и тонешь —
соль степей безголоса
а от пыли от спама
от истошных затиший
смерть ведь кончилась мама?
Сам не верю что слышишь

ПРОЛЕТАЯ НАД ПЕКЛОМ

Кнопки программ оставляя страну
переберу — из наушников шорох омелы
или авоськи как маятник (финик несмелый
финик незрелый) — ноту одну
тронешь — проступят вопли сирен
пень возле трапа его узловатые корни
вздуты иссохнув зачем непокорней
пристань не в курсе запах нетлен

Всякую водоросль справа налево снесёт
мелким теченьем — иначе никак на иврите
верность туннелям возврата двойной наш исход
или песчинкой в снежке — понадёжней сожмите —
сохранено из талмуда фильтруемых вод
жестоковейное что-то во млеке
знаки противятся здесь и вовеки
бегству любви от ныряния над или под

Смей из наушников голос вне скорби принять
не поглощаем кощунственно жар бело-синий
вместо ребра холодок отвихрений твердыни
взрывом напитана каждая книжная пядь
мох волнорезов по-женски податлив как ныне
плёнку с псалмов (пусть слепа) совлекла благодать
мыкая оба Завета протяжнее вспять
а пониманьем рассейся — оно и нахлыни

СУББОТА

Прошлое сдастся но не под пыткой
а от рельефов линией хриплой
гиперкапустницы мегаслоны
ушками водят со школьной стены
переокрашенной чем-то музейным —
(их не признаем и не изменим)
лень обезлюдевшего пейзажа
театра тылы отражений заслон
разве победа не наша не та же
знает атлант подкрепляя балкон
Лучшее лучшему враг на безрыбье
кроны обрезаны — то ли гнездо
то ли кулак обессиленно вздыблен
(может ещё подрастут нам назло)
Вряд ли в нетленном обещаны виде
жмурясь расчерченные края
где и ворчание вместо «изыди!»
крик потянул бы к зениту клоня
Только напрасны уколы приколы
небом подтопленному двору
клином звонки закурлычат из школы
сам не расслышу что проору
вслед им безадресным — на перемену
или откат от основы основ
будто приказ по цветущему тленью
не ужаснуться счастью врасплох

* * *

М. М.

Придирчив я ревнив
к забросам тьмы сырой
уроки отменив
айда но не домой
как вырастаем вспять
до спуска за углом
крик за спиной «стоять!»
из сна ему — «кругом!»
Что вспомню что рожу —
он слипся мелкий ад
опробуй по ножу
(тупому — говорят)
про всё теперь про всё
поблажками грозя
грязь грязь под колесо
согласные в друзья
три деревца холма
вияния лыжни
меж них и нам сполна
из этой тьмы нужны

* * *

Наивные — а замечали
воск перелётных завещаний
с колен с колен встающей льдине
разломленной посередине
Шесть тысяч с чем-то ей неместна
то выпь то с факелом синица
к разбитой лампочке подъезда
дрейфующая даль зерниста
на батареях рукавички
с отломанными каблуками
помолвлены — все не критичны
и (Боже правый) не лукавы
несчастья верные — спокойней!
Зачаты мы чтобы разжаться
и перемены космогоний
накрылись слякотью гражданства
Мне выскребут со дна глазного
купель Васильевского спуска
обещанное ждать готово
а большего и так не густо
Воск наизнанку вскинсья храмом
размолотого беспредела
от неба к небу чтоб на талом
пороге явь не леденела

ЗАНЕСЁННЫЙ ШАГ

1

За стыдливый спрячусь букет
у толкучки «Университет»
места уцелевшего не меняй —
это сразу Лобное и Синай
слякоть нипочём выход кругл
из «Одноклассников» спутник гугл
чем бы ни тешился ну так жди
шага взлетевшего посреди
шаг сам дурак по зимым-зиме
от асистолии готов извне
себя искусственным завести
что за жемчуг в сырой горсти?
Позднего мальчишества где калым?
Навигатор музыки стань тупым —
— так свой неприступный услышу суд
и билборд кивает: «Диваны — тут»
двадцать шесть отмашкой минуя лет
(приуныл Иртеньев — мол «рая нет»)
— ювелирен Игорь (а вот не князь)
ведь была беглянкою (часто ль снясь?)
в полдень жаркий «Миленький, — пела, — мой...»
зажимая трубку сползай спиной
хоть стена прочна но её ведёт
неужели выход закрыт где вход?
Так и не случилась жена женой
влито как из чайника в мозг спинной:
по обоям к плинтусу съедь спина
жизнь и укреплённая не сплошна
трубкою от пота ли предреклось:
«Гётц-металлик» с грязью из-под колёс

издали нацелен притормозя
«Здравствуй!» — нерастраченное «нельзя»
Вы другие? Те же — один в один
у Вернадских стен замыкая клин
Где кафе «Луна» звался общепит
больше «Кофе Хауз» не пригласит
в зал курящих с видами на трамвай
опечатан вход — ибо не зевай:
(бизнес ли отжат?) видом сиротлив
угол ваш теперь мутен как в разлив
пойма огород — осуши да брось
если бы и здесь не срослись насквозь

2

Зал полуподвален местечко есть
сдунуть безразмерные двадцать шесть
лет не помешает добряк сосед
бреду размагнититься (если бред)
а его ветвлениям войти в тебя
радугой зигзагами удивя
что вот этот он был намолен в том
«Миленький...» кому пела жарким днём
Скобками ладоней лицо навстречь...
«Дай Господь дай шансом не пренебречь
хоть на вспышку лампочки с ней семью
разве я Твой замысел оскверню?
Дай во укрепление ирисов и роз
отпусти несбывшееся всерьёз
дай на взлёте старости на ветру
свечку заслонить — всё сотру!» —
Так ему взмолилось среди тусни
дураки страдают а ты рискни
...В «раскладушке» Nokia нерестясь
зубья смс-ок терзают связь
сумочка навыворот — истин две:
зажигалка сзади ключи на дне

и вулкан и прорубь — один одна
и крещенским жаром опалена
скорость укороченная по грудь
в море вроде Мёртвых не утонуть
соль её привычек густым-густа
мамкается с ними а то сестра
цель квартирных странствий перезабыв
сетью бликов схвачена золотых
ныне распускаючись — где шипы?
через абы страх абы да кабы
Ты ей полюс полюс по всем статьям
пропасть неизбежна меж «здесь» и «там»
где-то между голодом и вином
тонкая защёлка-хамелеон
соколом аукнется и петлёй
возвращая «миленький» — то есть «мой»
как не ждёшь как смеют не забывать
(пусть и проблесковую) благодать

3

Есть сезон охот охроу расшит
но взорвёт масштаб самолёт-шахид
крыльями огня (ветру на подхват)
бабочек ловить — чем объят
ужас-кувырок (семь секунд лимит
или сколько их ужас длит)
офисов гнездом климата контроль
смертью смерть непопранное вглаголь
в Башнях застревает кассетный нож
кувырканием разве разбрыг согнёшь?
Вот и не секретны её и твой
спайкою жуков и стрижей весной
ясные отцы — физик и технарь
за метромостом занялись как встарь
в духоте простынок рассветы плеч
кровь уже не знает ей течь не течь
и когда обёрнутый в триколор
под окном «Рос-сия! Рос-сия!» — ор

в честь голов на Евро (плевать кому)
и когда сюрпризом несёт хурму
расцветает дачный жасмин в снегах
без него теперь никуда никак
не из Близнецов толкнись взрыв-дита
это вы не чувствуете летя
иссиня единственный рейсов рейс
тише невозможно и ближе несть
так за няню теплишься у лампад
веря и не веря всему что над
выдох отрывает смиренный пай
или же занозу — «Не исчезай!»
тоненьким колечком внахлѣст витым
сняв и не снимая останься с ним
сжатые той пробой вы два птенца
от земли-отравы внутри кольца
уносимых маятником навскид
купиною там и репей коптит
а познания плод соловьям балласт
искуплѣнно жертвенен сплошь глазаст
чаянное «даждь» ослепляя «днесь»
будто бы «нет-нет» это дважды «есть»

4

— Нереально! Ты — вправду ты?
Как иллюминатор и как винты?
Оборотень юности? (Вся она?)
Как в ней угнездиться? Что я должна?
Как по непрожитому взятый след
спайку разомкнѣт неотступных «нет»?
Как рубить в капусту себя собой
крохи прежних жизней вернув к одной?
Рваная семья — пусть из миража —
всѣ-таки семья Этим дорожа
мы похожи верностью (внутри бельмом)
кругу нулевому (в кругу седьмом)
всякому родному а не ва-банк
(и тебе душа моя — вне атак

вне давлений — сколько бы ни терял
я namного проще чем идеал
ты мне это скажешь ты слишком я
это и пугает душа моя
щедрую трусиху своих подруг
я не выбираю нуля из двух
просто не готова совсем сто раз
ты меня не слушай не слушай нас
я наверно жёсткая я сужу
но судима буду по миражу)
Мой ответ «не знаю» на твой потоп
собственный твой шаг больше не офтоп
и свидетель — выхода павильон
«Университета» — хоть и вживлён
верностью подрезанным стебелькам
и всему что впрок принимает спам
верностью брони веерам засад
проволке «растяжек» туда-назад
верностью оплавленной восковой
на участке тесном перед плитой
плечи ужимая от чьих-то ласк
мне теперь нельзя завернуться в нас
чтобы и окурка не притушив
миф переиначить — и ты будь миф
этих плит и острых в снегу оград
о свободе чуда остаться над

5

— Кофе сделай? Пожалуйста! — просьба сна
по его продлению жизнь сплошна
(пеней Средиземья из одеял —
той что Боттичелли насочинял)
и мусоросборником — лязгнул бак
отзимуеt эхо про белый флаг
воскресенья съеденного средой
под уклон Вернадского в зоревой

непротёртой оптике где базар
стебли у букетиков подрезал
чистота-чистилище шарк шагов
...Пузырьки взбесились заказ готов
пар окутал влагу — её дуга
растворяет гранулы — ей куда?
Ей собственнорадушно вменено
вас пригубить вынув из всех кино
из монтажных вставок и распродаж
устаканив скатертью баш на баш
размягчится скользкий солнцеворот
пух его морожен — он вновь цветёт
странно распадаться на два ствола
трещиной под корень — зачем плела
гнёздышко — в нём обняты стержнево
замерли родители — ничего
нет от их лекал хоть неволью вслед
только что друг в друге из прорвы лет —
вы повторны вы и обречены
место во вселенной занять луны
и по-гардеробному нараспах
гарь не зря же гарь прямо на глазах
меркнуще вблизи падает чертя
тихий и чужой океан чутья
Вот и по-кометному пух петлёй
вьётся отпуская её с тобой
в марево развилок — у склона сил
первым кто чью урну бы ни зарыл
возвратят зарытое тополя
шагу — он заносит приотворя
трафик после пробок на млечный пик
и объезд дворами что к вам привык

ТРЕТИЙ ФРОНТ

1

Поворотись — страна ли?
космос меж городов
после всех сатурналий
кто не боеготов
к «вежливым» камуфляжам
передела границ —
не захватим так вмажем
(и повторим на бис)
Волокуются предатели
всемером в автозак
за инстинкт придыхательный
и за сэлфи зевак
Рим без номера тундре
сданный силовичья
жижей вьюжной припудрен
(только б не сгоряча)
в «Хаусах» отсидимся
сытость и потроха
музыка всеединства
ГРАДов по ЖКХ

2

Задубели каратели — ждать
за углом от них — мать-перемать —
пацаны со щитами
тренируются — вряд ли читали
про Альенде и Карфаген
о спартанцах (на гребне Моссады)
скулы по уши каской поджаты
голенища сапог — до колен

Часовые удержанных стуж
на завалы взберутся
наизнанку зубами разрушь
этот узел бермудства
До боев здесь нельзя не успеть
хоть они и потешны
Жизни братской одна только смерть —
шаг-другой до кафешки

3

Гарь сплошная гарь кровава
пианино-то зачем?
Снайперы не без навару
не без пятен и эдем
будущего где не гнуться
перед газовой иглой
оселедец против гуннства
хунта над ещё одной
Зрадой лазерные шоу
возле княжьего креста
вспыхнут но ему большому
самосвятна и чиста
кровь распавшаяся эта
неоплаченный квиток
основание для света
сжать ослепший наш восток
Что ни пауза — пьянило
прикоснуться к пианино
голубому (всё равно
что играть) — да вот оно
с дребезжащею струною
с крышкою не на замке
гарью тронута сырою
конченой невдалеке

4

Вавилоны штабеля покрышек
сдавленный в мешках томится лёд

всё б забыть что дышит и не дышит
остальное выживший найдёт

Где и отсидеться остальному
сгладить разнесённые углы
как не перебежками в истому
(губы у неё белым-белы)

Падая неувязимы щели
высверлены родственным огнём
Счёт на миллион кто уцелели
сотне же — забыть об остальном

5

С. Ш.

Адреналину — чуть назад
кровь сотни с лишним — помним кровь
Господь и тот не виноват
на встречах курсах пусто вновь
Бесснежен утренний прогон
усталый а не раздражён
торгует с рук — благая весть —
народ (я привыкаю) есть
он стоя по вагонам спит
и это сам себе народ
слизнуло год — ещё слизнёт
зачем осознанно свой скит
сюда я перенёс — не трожь
ответственной в такой толпе
мы не погибнем о тебе
родных на выбор или сплошь
вот коридор когда внутри
идут под запись кобзари
невидяще идут насквозь
по-волонтёрски все свои
а я вот беженец без свойств
Без свойств как будто вбок снесло
бесснежью на слабо назло

бубнёж «мы не погибнем!» — сброс
настроек и перезагруз
(плюс календарь церковных дат)
не образумлюсь — отвернусь:
прости что я не виноват

6

Фингал аптека ночь с востока
безвыборная царь-страна
Шесть на шесть по рогам два срока
проспит или сжует она?
— С добавочкой!.. Кто за фашиста?
Не без присмотра но смогём!
Ордынских в мясорубке триста —
ещё семьсот гребись конём
Давай-ка ластами помашем
и в рамку через шмон айда
вперёд-вперёд бессмертным фаршем
топтанию дырочку найдя
а там кружась же цепи сбросив
ДмЛьвовича как вьюга слог
философ слепнет А.Ф.Лосев
и сказки говорит нам Блок

7

Поздно поздно про Галича
и фон Триер свят-свят
на Москвою не сжалится
облаков Арарат
знакам кроткого ужаса
дан приказ: от винта
релокантов наслушался
сам я здесь за крота
Эту встречу конечную
приложи по прямой
за Каховку-Донетчину
в шлюзы смытых Москвой

Но куда бы не клюнуло
или не подтекло
до забвения лунного
меланхолия — зло

8

Посреди акбар шалома
оптимизм — разрыв шаблона
или Божья полынья
наша где моя-твоя
презентации айтишны
сервируют кофе-брейк
кукарекнуть если трижды
решка или первый снег
глуповат идя с повинной
а на деле — напролом
не умея петь кровиной
ахиллесовой споём
хоть ложись замри хотя бы
под забралом снежной бабы
отдохнул растёкся мрак
хруплый и ещё обмяк
среднеродный животина
хомячишко Магомет
дай чтоб ручку золотила
ария про пистолет
чёрным рыком — в лес что по лбу
или же под хвост шлея
ой ли мачеху-Сорбонну
уболтать сноха моя
антидот денатурат
есть заначкою от вмятин
перебор рассыпся вмятен
крылышкуен где дрожат
поналепленные с верхом
на раскруженном на ветхом
мифе хоть ему кранты

кто б взорвался: «Ну, а ты?»
по Таганке-Молдаванке
против храма-гаража
офисной ли несознанке
выше ль кулачки держа
жемчугом в плаценте мамы
пухну скрючен запятой
мимоглядом сквозь карманы
ключ оживший разводной
был технарз засим сценичен
то натурщик то экспат
был завьюжен в рой синичин
и как роба полосат
Дарвина поправ Ньютона
катапульты — из понтов
на фигурное готов
попустительство шаблона
языком да не предамся
пуповина — лишь язык
без костей или вжик-вжик
в гематомах реверанса
ванька-встанька сей же миг
цып-цып-цып заутрень просфор
скрипица транжирных зим
Поль Бидоныч басом Робсон
и восточное: жаным!
Так полоскою натёртой
равновесно заскольжу
от хвоста взбугрённой хордой
заострясь по ножу
кремовый рожок воронка
ретранслятор-попыня
рвусь отнюдь не там где тонко
где простор — твоя-моя
швов стежки на дне процесса
как балласт капээсэса
семь ещё столетий плюс
за облёт его контрольный

под раскачкой колокольной
из гламурно-малахольной
каркали мол «будет больно!»
будет нам никак — боюсь

9

Большим Кремлёвским коврик спущен
властителю поджатых губ —
наsupлен он всё выше к тучам
враскачку исподлобья скуп
Кокард угодливый подсолнух
штыком сопровождай маршрут
смагниченный от нот басовых
под «Мурку» и «Он вам не тут!»
Сама вся в золоте воронка
дверей державных подалась
как бы на цыпочках возгонка
за каменной шпаной власть
одна рука пришита пленна
к бедру — другая ветряком
и умилённая геенна
ещё не то чтобы кругом
(2000 и тд)

10

Ой везёт России всё-то ей не впрок
нежити борзые вместо путь-дорог

мультиплекс в законе ценники в дыму
долго ли на троне клубом зав. Муму?

В бункере трёхфазный биотуалет
забурлят маразмы а бумаги нет

Лифт взлетел ретивый — всё одно зиндан
Пурим Валентинов под ночлежку сдан

Сочинись навзрыдна — быть чему невмочь
правдоложь от злыдня лесом ли точь-в-точь

Внутренней зверюшке выбор небогат
из подбрюшья — Пушкин из огня — да в глад

Элементом пятым лидера продаж
слабого к цитатам съешь ну хоть размажь

Рукопись устала торфом тлеть да тлеть
— Где (кричат из зала) Машенькин Медведь?!

11

И легковерны но и твердоглазы
живите — не хочу —
за небом столько всяческой заразы
мешки же гексогена стукачу
отвалены последышу Джульбарса
осе-бомбиле крысьего такси —
отлаял испипелся нажужжался
начав дружок не откоси
от мировой (гражданской сбились) —
сеть маскировок тянучи за нить
кто с рёбер снял рентгены ранних Биттлз
а с языка «не быть не быть не быть»?

12

Ныряю без контракта я в серо-чёрный нал
его муштра отрадна пока летел бежал
вдоль Сочинки-речушки до палубы штабной
спичрайтер в сон грядущий на тот программный сбой
плодятся где офшоры разбрызгивая путь
на хруст хурмы сушёной и «родину забудь»

Казаки балагурят под бахромой армян
(ещё б чуть-чуть лазури козе кривой в карман)

Вдоль Сочинки пускаю рассветные «агу»
пузырчатую стаю из «Слова о полку...»
и клавиши у компов сомлеют ходуном
все недомолвки скомкав сговорчивым теплом

Сермяжный этот ужас бюджетам на провал
шпионски обнаружась уже отлит в металл
не потревожив горла цинизмом каблука —
так целится Траволта из «Чтива» но пока
с викторией завяжем — по белу дню маяк
приманивает к пляжам где с волнореза бряк

я сигану (топорик) в свой крохотный отгул
не сняв пальто — а то ведь за полы кто б тянул?)
как джезва пышной пеной умыла голыши
хоть стойкостью отменной Создателя смехи
барменша — ну давай же кутнём на час вперёд
всего кружок без фальши а там автопилот

На глубину инсайда пусть рейтинг похорон
скакнёт (пусть полосата жизнь-смерть шнырнув нас вон) —
по пунктам если вроде шторма вот-вот впритык
уже полусвободе в два в три узла кирдык
вдоль Сочинки подкрался каштана утлый лист
остаток малый вальса доверчиво когтист

Из взмахов дирижёрских свет пойман решетом
чего ещё там скорчишь и что побережём
за это ли участие чей тренд бесполезняк
где сколько ни кончайся не кончится никак
отсылка на любую волну лихих затей
мы похороним бурю — и родину над ней

13

Светло но присмотрись — ни зги
флэшмоб огнём самолюбив нехилым
не пресловутые мозги
не сердце мечется по жилам

а смотанных сезонов провода
искра к ним заполярная тверда
пропущенный срывается звонок
ему ты позарез из ниоткуда
не начинай что скручен твой итог
что нас немереная груды
лоб в лоб пусть эту правду правда съест
не требуя подъёмных и сиест
День под ногами грязь или пылью
нашёлс я оглашаясь перекликом
с бессчётно с опрокинуто пустой
надеждою на перепутье тихом
тот смрад тот самый-самый гной слепя
перенайтись по-страшному в себя

14

К залётному «Боингу» чуток расклад
гашетка нажата команду оспорить не пробуя
жужжа полосатым кульком затрассирует яд
оса завозилась очковой улыбкой Андропова

Беслана линейкой ударено утро Курил
наследственность сладостна дырам сознанья
колеблется жало протяжные точки вонзая
в когда-нибудь исповедь в просфору что надкусил

Братайся дюраль оболочки держась воровски
с укрытыми жизнями с дискантом и умиленьем
гнилую и скользкую дыню поднять не сумеем
за что листопадом сожмёт в перекрестье виски

15

Окраины панельны и бесполы
внутри оград без клюшек и без шайб
где дарданеллы меж домов босфоры
шлак от хоккея распылясь ослаб

Высвобождая руку по-хозяйски
сын (белый негатив над тем же льдом)
кому-то на замахе и озябши
пробросит: «Ничего! Мы проживём»

16

Антиугон «Мангуст» на страже — не вопрос
жест боевых искусств — задето — всё вразнос
Чечнею полыхни — до Сирии дошло
не чует полыньи собачье ремесло
себя закоротив
гульни за превентив

В брелке на кнопку жмёшь — запеленгован писк
степной соломы дрожь себя вспорхнула из
(сапсан или орёл стоял пока летел
но рухнул и ушёл отмашкой между дел
оттяжечно-сухим
крылам чей нерв незрим)

Глюк может и не глюк барьер не знаю чьих
в грудь мне упёртых рук и этот хищный чих
над падалью реклам все взрывы в гости к нам
но тушат их следят развязный чей-то взгляд
и кваканье псалма
и даже смерть сама

(2016)

17

Евгению Ермолину

бостонам смешно пекинам
волк ли по тылам ползёт в ферзи

мамка Русь двуличиём невинным
с кем там под венец кому дерзи

дай побаловаться ноосфера
крохами что спущены сюда

простенькая как ты озверела
родина гордыни и стыда

их же и убьёт помилуй Боже
сорок дней крутя как сорок лет

по мемориалу в бездорожье
тренажёр сомнений и легенд

но и крест не вбить в неё жирнющий
чтобы ломки после отвязись

потому здесь мёртвые живучи
а без мертвечины что за жизнь

18

Русь закругляешься ЭрЭфией
а ничего не поняла

оказывается что не фиг ей
из мух раздваивать орла

Рван в клочья промысел из кое как
промессианенных гордынь

и только клоунаду стойка
— пусть пекло выбрал — не отринь

19

В очередь русские разве насилуют
каждую пятую Померании
(а разойдутся — и третью)
разве крошат вдоль Дуная вешателей гэбни?

Русские разве на Вацлавской дают с цветами орущих
(Ян Палах — зажгись!)?
Шарят гранатами анашу кишлаков?

Землянаш! К ногтю!! Ногтю!!!

Вылезло этих ногтей десять десятков двунадесятков
(больше повырвано)
Но выкаблучивают поэты-иезуиты
танцуя сухую кровь
братством потных полос
и свобода извилисто жилисто
втоптана с мстительной честью в пески
как на штопку чулок натянувших дырявое русско-русское солнце

(13 марта 2014)

20

Под ковёр да и на клирос
в «СловоНово» ли в печать
пусть никто не пригласил нас
если ж будут приглашать
я заведомо в покое
нет не столпник не герой
но меня впервые двое
съёмный мир ну пусть чужой
с прожитым так долго здесь же
схож наощупь сквозняком
только чище горше реже
безотказнее при том
теснотой ли трамвайной
к уху точно пистолет
жму Ютуб чтобы не дай вам
повод — молчаливый бред
заполняющий пространство
к выходу перепрошив
убедиться: всё прекрасно
если самый воздух лжив

под атаками DDos-ов
бойне пущен кислород
горизонт огневолосо
окружение сотрёт
лодочки флюороографий
самоубиенный снег
шёрстки против нежит гладит
но паденья нет и нет
рыжина от безысхода
минимум держись дерзя
узел нитяной — свобода
изнутри когда нельзя

21

М. М.

Мобилизация как ни ускорится
не было может и нет
ейного призрака — подпись убориста
змееподобного Zet —
хоть по-военному вытянут маятник
связан одышкой замах
и среди вех несдвигаемо памятных
путаться тоже не ах
ни вразливную ни водоворотами
не заштампуется слух
угли присыпало — дунешь — да вот они
август — ау! — не затух
про батарейки любовного мобиле
будь же перпетуум прост
образ плечом подпирает подобие
отнятое через вопрос
душу залатанную потерями
копией как разведём
также и виражами похмельными
стен где их треск и пролом
время фильтровано залимитовано
сжались маршруты вины

малое счастье — лишь масло моторное
мигу которым полны
по умолчанию по холостому ли
ходу про всё что всплыло
перепрошитое за хромосомами
вслед безответным «алло!»
наше сбылось потому и ужалено
неисчезаемо днесь
ныне и присно волшебное зарево
взрывонадежная смесь
слив от буксира расходится «ёлочкой»
множа волну за волной
память укачана тягой осколочной
тиною береговой
тиканьем всей прибываемой ветоши
ко временам корневым
где мы колеблемы влагою режущей
перед которой стоим

22

У слоёв атмосферы пронизанность сочная
разговоров отчётливых за километр

дрон сбит с курса — атака испорчена
это паданцы дворник шурует Ахмет

перегнали пластунски (взбивалка кошмарная
в пластик чёрный как мобиков их утрясла)

Божья ночь вертикалью восставшей шлагбаума
для «открыто» и просто для ложного сна

уточняюще кнопками пультов нацелится
отмахнуть разорвать отскрести вражий тыл

но авоська межзвёздная крупноячеиста
где ты не был а лучше бы и не был

23

Загвоздка всё-таки в стране
избравшей зло своим коньком
ответим за неё вполне
но крыльями а кто хребтом

И в дольней почве и над ней
обняться нам где суждено
душа не сдерживай корней
не уходи в физкульт-кино

я знаю выход тупика
пролом черёмухи распыл
сливайся с ним живой пока
пока наш пульс нас не избыл

24

До свидания давай
брошенное раз на раз
В стороны — сомнений брасс
торсом вверх — и баттерфляй
ядерный ли карантин
в землю гнёт ручная кладь
нить — взаимно умирать
срежем вдруг укоротим
скарб — собрание имён
(одного бы с головой)
здесь ей — вечный внезакон
тот же хаос хоровой
отзвук идольский в кресте
попынься — нырять кому? —
ты которая везде
удалёнкой на дому
не страна — пятным-пятно
если б самовлюблена!
Нет и этого давно

встал с колен — опять война
извивается насквозь
по-миражному слоясь
родина — земная злость
занебесная напасть

25

Гневом наелись?
Ну а диализ?
В том-то и прелесть —
не обознались
эхом пассивным
проймом дверным
в спину спасибо —
тужимся льстим
нервов фанаты
рыбы рабы
мелок фарватер
где мы храбры
сквозь депрессивный
год никакой
вместе с Россией
вряд ли живой
Стенкою стенка
сотворена
мечется тленна
эхом со дна
буйный анализ
вскользь напослед
мы обожрались
солью побед

26

Кизяком надымят кальяном
здесь какой синеве бы взвиться:
не агрессор страна моя мол
Бухта Мёртвая не столица

С загорающими пожиге
горделивей зато нудистам
а в прицел их возьмут свои же
балаклашки на кремнистом

Выставь зубья драконьи Зона —
(зря ли Палыч предрёк Василий?)
будет пастбищем для позора
и растяжкой для сухожилий

Видом сверху он аденоид
поперёк имперской гортани
где дурачились мы — не стоит
убиваться — о чём роптали

Раскудаhtан куриный божё
в крике замер гиганта-Пана
буйный профиль — теперь ничтоже
всех жалеть тишина пропала

Халцедоном смертей воронка
неотступна и сердоликом
к вопрошающему подгонка
всепрощению о великом

о зарубках шкалы холмистой
(небеса её вне закона)
Со свободою всё ли чисто —
подразмылась инверсионно

Бакен вертится скрипом ржавый
(мины чучело корабельной) —
словно ящик открыт державой
ей во здравие беспредельной

27

Случай — или воздаяние
за разбрызги мутных вод

мозгом вряд ли оловянное
сердцем — просто антидот

Ползать — отпусти неверие
и не вспомню кто сказал
как нельзя прямолинейнее
разжимая свой астрал

28

Ещё польска не сгинела
рідна мати не помре
никакого вам Гильена
(а тем паче Малларме)
по зефиры дровяные
детсады распределят
то к берёзке то к рябине
запускай аэростат
После пойла сыр без дырок
цепь с котом Барто Маршак
ров для перепрыгнуть вырыт
от оглядок ни на шаг
брёвен краше нет плавсредства
ЗинИванне под крыло
из-под шали чем распеться
грудь и горло чем свело
старшей группе ли намедни
книгочея-грызуна
срезанные эти бредни
ярче всякого кина —
свистни если спит механик
яме яме без времён
углубляемая манит
звуком на какой сведён
раскорчёван огородик
грейдерами ноября
небоскрёбно вышки взводит
пустоту обороня

Ребя! Где витает древо
широчайшего дупла?
То расстрел — качнись налево
лбом же в лоб — БПЛА
Возле Гипронефтьвостока
жить приказано стране
вечность ли подряд два срока
контрактуя сатане
чем бы мобилизоваться
кроме нежности насквозь
к той контузии детсадовства
ко всему что так сбылось

29

Не война сдавит мир
сдавит взрыв-недолёт
в пустоту и до дыр

сдавит самоотвод
от границ и от почв

сдавит нейтралитет
если не перемочь
нет здесь нас просто нет

30

Крошево жижу двора
предновогоднего
время куда нам пора
выдохом поднято
вязок исхлёстан маршрут
ранний прогулочный
по умолчанию крут
к самой полуночи
тянутся жала ракет
стрелкой курантовой

перст Протопопа воздет
кремлегарантами
послебомбёжный завал
галочкою викторией
Книгу Возмездия смял
стопами вторя ей
Жги свои чучела жги
прямоходящие
тостеры стружки снежки
чёрные ящики
морок за что ни про что
жижу и крошево —
дар от какого прошло
столько хорошего

31

Алтарей не скрыть
не замыть абсурд
желчью — ненасыть
средством — самосуд
В Рождестве — самум
звёздчатый циклон
как гламур-лукум
слепотой белён
возлюбив равно
каждого Ты в ком
(нелюдь тоже — но
лишь через разгром)
скольких вынь-положь
павших — баш на баш —
или невозможь
милостью раздашь

32

Убеждённой ходьбою пробит коридор
в позабитых золой лабиринтах пустот

вместо белых грибов огонёк-мухомор
поисковая ревность шлёп-шлёп отстаёт
Зашлакованный жар чем он чист изнутри?
Печь-печурочка где твой першит перископ?
Кафель треснул белёный калёным зари
распыляя на круг клёкот смятых крестов
И от них всякий прах налипает с колёс
на угасшие вровень всевышним ходы
и лизнул меня хворост и сам же обмёрз
но мертвее других колесо доброты
И не жаль вросших в стену корёженных лет —
загребущей сосновой смолы где увяз
тонкий слепок-хрусталь пауциных побед
неразъёмен тот звон и увы не про нас
не про штамп впопыхах не про злое число
синеватых наколок базарной иглой
их оттёрло замылило вовсе пожгло
растеряло по небу счастливой ходьбой

33

«помогите лгать красиво...»

В. П.

Лгать красиво догоните с Богом ждать побед
просит честный их губитель вроде бы поэт

А тебе и отпарируй общежитский брат
что дружок подбросишь миру по дороге в пат?

Бурей с мглою нам овчинка выделки милей
джигитовка перочинна окон и дверей

Если правда — пусть навывлет да под корешок
нас она возненавидит в чреве сбережёт

Чтоб наследный вой не тешить не проткнуть ребром
эту правду эту нежить мы слегка приврём

Судьбой подброшены —
анакорету ли? —
«Проси пирожные!»
а с неба: «Нету их!»
Что ж не без талеса
с крестом напутствию
не отрекаюсь я
чуток занудствую
жалеть не смеючи
над кем подтрунивай
отлужгав семечки
живу июнями
пушинки-глобусы
тугими комьями
и «Богородице...»
сквозь Anna Domini
окно возможностей
с двойными рамами
спирально крошится
рудник урановый
и перемешаны
и не отлюблены
орлы под решками
удары трубные
и белкой мечутся
вдрызг не опознаны
«мигалки» вечности
взлётнополосные
Приотвори меня
обговорённого
наивней минимума
непокорённого
руинам голоса
грехи повязаны
да раззнакомимся
и с метастазами

Если сверху zero — шаг в метро
 эскалатор не оборвётся
 от Жан-Жака разъят и хитро
 Эдичкою обкусан с морозца
 и не брошен под поезд Л.Н. («антре ну»)
 Осип или Остап зачинают страну?
 А в туннеле кого ещё видели
 трудоголики диггеры?

Их под градусом полупрямым
 граф-вампир (из румын)
 рыл — теперь вот зажёвано слито
 добурились до палеолита
 Не глубинный заряд эти рёбра порвёт
 а обрыв лепесточков — любой наворот
 поединок хотя бы с ромашкой
 по восьмёрочке лентопротяжной

Красным кругом дежурная: стоп-состав
 для пинг-понга ракеткой
 сколько я пропустил тех обводок сломав
 чёрной раме сюжет подзапретный
 за кого-то нельзя облегчённей дыхнуть
 а ведь дышим бежим — и сгущается ртуть
 душ слепившихся комом
 на пути многодонном

Был изъян — болевые основы не трогали
 редко думалось (разве про время — ду-ду! —
 где оно и куда?) лишь до звуков охочий — да много ли
 наскребу эксклюзива? Совсем ерунду:
 шланг сипит (безнапорно закрученный вентиль)
 сдавлен панцирь оленя-жука (отчего не лося?)

шебуршащего палым салютом (ответь им
лже-покорен меж пальцев: сразу рогами нельзя?)
По ушам теперь едут бессчётно цистерны цистерны и можно ли
стратегический груз НПЗ словно я подрывник
(а не сторож авто секунд хэнд) красной кнопкой тревожного
пойло ада на брызги разъять забывая про них?
Мой простор мои дрожжи всегдашнее чудо-везение
космодромный сквозняк этажа перегонная воля-тюрьма
в чёрный сон загружусь игнорируя даром осеннее
иго без тормозов — эта опция пусть неумна
заял нишу прощальный отсек состыкованный с топливом
для разинутой нежити — воздух мы ей или кон?
Отыграйся тупик горизонта под гулким доподлинным
под прессуемым хрустом и светом — до боли не ясно каком

37

На смену Февралю загон из белых лент
тектонику пророчь пусть нет её и нет
пусть самоценный всплеск развеют на миру
и этот мой надрыв и прочую муру

Среди цветов и штанг жги с холода экран
«Кто здесь такая власть?!» — «Мы!» — не холоп не пан
а мы кто мы в себе — взыватель Алексей
предновогодний ноль добрался до костей

По-доброму хохмим и всё-таки разлом
ещё ни жив ни мёртв — иных не наскребём
скорей скорей к теплу отмокших панихид
к поминкам Царь-страны чья воля не родит

38

Да — наше фейк-имперство
невместно ненаперстно
шайтану без копыт
(где мягко — пусть доспит)

соснористо упёртым
блаженно львиномордым
держателям искры
Меркуцио чей лазер
извилист и стоглазен
ауканья быстры
а реченька-речушка
царица из цариц
очаровашка душка
(два или пять — садись!)

Нам родина компактна
прибойною волной
на языке облатка
лужайка под горой
манящим аналогом
пусть плоскостопны — взроём
на пятках унесём
обрежем в лёгких корни
уживчивей притворней
хромым ли колесом
ответственно кромсая
историю под нуль
ржавеючи как свая
тонуть же — ни буль-буль

Внучатому разгрому
отныне зиговать
но циклясь по-любому
репейна благодать
Определённо брони
вслед выкрикам слабы
кучкуются обломки
отказники судьбы
очисток послезвучий
ледовой размазни
кто может — сварит круче
но мы теперь — они

«...и срам крошечный после 30-ти»

А. Межиров

Поэзию срам не имеет
отчаянный патриот
застывший на этой мине
осколочки подберёт

Приставлены к горлу войны
(точнее эта одна)
голгофы её конвойны
из оборотней добра

Дырявленная плотина
подтоплены закрома
ответственность коллективна —
в судебных она сама

Хорош доверяться школе
действителен лишь прорыв
ковровым триумфом воли
взывает укротный миф

на терцию выше тоном
видения где летел
о времени разорённом
которое новодел

Поэзия — слишком кожа
и слишком где от неё
остаток сухой размножа
уклончиво бытие

но что я внушу потокам
про зримость над слепой
вину вопреки погодам
трясущую зимний зной

баллистикой и утюжкой
бессменным по площадям
«Держитесь!» — мольбой щедеушной
одна поэзия к нам

40

В четырнадцатом спрячется
рванёт в двадцать втором
куда теперь бодрячество
направим отольём

Где взять отмазки веские
бекграунд без пятна
мы все теперь не местные
хоть и не всем хана

на русском на санскрите ли
в трезвейшем ли хмелю
туннельно и крестительно
люблю люблю люблю

ЯНВАРЬ НА ПЕРЕВАЛЕ

ПАМЯТИ С. ПАРАДЖАНОВА

Сочатся софиты — дворец позаброшенный некий
в тумане прошиты нагорному солнцу камбэки
но свет — ненадёжа (особенно для диабетных)
кто медлит итожа красоты и в кадрах и в клетках
укол инсулином — усядсья кой как на кровати
в луче ли всемирном глазища вращаясь некстати
шарманщика дервиша подвижны голосом джина
палаты меж правдами выжжены — речь нерушима:

«Тебе только сорок? Пока я бодался с парашей
изъяла Система твой порох — я узел пропащий
я чёрное зёрнышко в ней я её бородавка
но крови не будет черней Сумгаит-Карабаха
удушлива слава моя — два узилищных срока
горбатится голубь-змея верблудицей барокко
из Спасских ворот я как Чацкий бегу оглашенно
(шнурки отберут — это в счастье почти одолжение)

Красивую маму окном винограда мне дали
она в кружевном — на дудук как из рога слетали
стрекозы и ангелы прямо с белейшей Мтацминды
под это жестокое танго подтают обиды
но жижу метельную в робе на складе мету я
и через трахею всё впитано всё что целуя
извергнула сказкой кровя прометейная печень
(пристрой на метле те края где раздвоен калечен

орёл ассистент мой — нужна же профессия бичо!
А что намаячишь стихами о Лауре хныча?

Преклонная Лиличка брови подводит Мальвиной
зачем перед птичкой подставлена выя с повинной
разверстый над нею платок вроде ризы христовой
гранатовой кровью намок он как день сороковый
взойдёте по лестнице шаткой средь свечек сполошных
сочтённых моею загадкой которой заложник

тот стол антикварный для трупа он и для коллажей
на улочке в гору тон в тон эту исповедь вражьей
примять журналюге остаться тебе дебютантом
все лишние круги потащишь в отсчёте обратном
давай! — гонорарная ведомость ждёт за массовку
ты — гость перевала и недоросль с дублями сбоку
присаженный пульсом ты сам — аневризма развилки
а снег — пахлава и бальзам... я устал извините...»

...Грузиться опущенным сводам в купель монолога
на яркую площадь выходим беспечного года
она продлевает помаду по зеркалу ванной
в окне черепичную терпкую вроде экранной
трепать эту кровлю как фен монастырские свитки
забуду мерцательно вспомню хоть буквицы сникли:
коза за козою пасут своего режиссёра
тропинкой сквозною — от света отпавшие зёрна

И в три направленья пришпорь табуретку наездник
над ширмой повеяло гульканьем фресок скабрзных
ковчегом ладоней смыкаясь команда трёкратна
ура! — это снято на зависть напором гидранта
но порох щёки не линяет щетиной навеки
больничных зевак с костылями туманные вехи
Сундук порастаскан потухли сырые софиты
их линзы опасно снежинками дублей забиты...

Так входит во флаттер художества чистая трасса
огнём неохватным под сенью глушильного ТАССа
и трещин клубок нарастая красив на прощанье
от края до края прижизненно и беспощадно

провинция — море само по себе вне империй
но кто кому вторя любую буксовкой промерит
есть грех несвершённого грех сожаленья о нём же
меж всплесками жёрнова что за туннель или твёрже

Спина детонирует глазом замыленным ярым
и Боже который доказан упёршийся в малом
пути обесточив свидетель глаголет «Останься!»
разбросан отходчив среди безлимитного танца
заразы ледовой осечек зелёных и рыжих
меж пауз сердечных — они только ближе всё ближе
законному краху повторов победою проклят
народ этих страхов что едут подобные кровлям

Разводкой покоя и воли держава изгойна
помеченный крестиком нолик таранило «Гойда!»
ну вот и неожиданное счастье родное всего лишь
могло бы и раньше б — нет-нет ничего не отмолишь
конечно святое — натуга словес повивальных
купаться друг другом немерено исповедальной
иссохшим корням неподвластно безбрежно скромнее
мы сжаты в одно государство искря и робея

... Зарницы зарницы точильного круга зегзицы
как оспинок рой (для зачина) — попробуй сразиться
от юга до юга вдоль ночи полярной гонимы
косяк обернётся отарой сквозь дебри малины
и этому шабашу рифмой таинственен гумус
туннельно по воле наивной туда ли я вдунусь
к прелестному гению (из невыносимых житейски
он знак прободению всех перемен и бездействий)

Подарку тифлисскому что не сиделось на месте —
он в чёрную присказку впишет кино против шерсти
и свадьбой гуцульской стартуй пантеон Еревана
пусть будет к лицу ей отныне открытая рана

как хвост соболиный пророча комета зависла
не здесь и не к ночи зарничную долю артиста
теперь фестивально гореть ей с фуршетом бок о бок
а мифам чья крупноячеисты сети ждать войн и раскопок

На пиршестве строгом война ли войне собеседник
гранатовым соком пропитана ткань из весенних
глазок у шарманки чреват хлопотливой синичкой
ни хворостом клюв ей ни даже оливой не пичкай
какая бы кара святая жезлом ни грозила
посадочно-взлётно Синая дымится резина
масштабами пыли штурм Зла «перемирия» множит
ты если помощник то зря в попущениях Божьих

... Из черепа буднично траки ползут БМП-шки
помолимся паки братаниям что безутешны
во имя зигзага кукуют ударники микса
без гнева живаго народ отвлечённый обвыкся
а мы не осудим судимые той же ответкой
наследственный адовый студень судьбы трафаретной
чем сказка правдивей и красочней тем нулевее
доверие к ней от гордыни в её ахинею

Но даже и там где комфорт — и учитель и стержень
куда твоя щедрость грядёт твой восторг что развержен
то рисовым ливнем то ясновельможной луною
когтей домового — их много ещё за тобою
подарков что сраму не имут как слёз в «Годунове»
как бедность Кавказа оттенком добавила б мове
сушёного перца висюлек на заднике щиром
чем дань призовая рискует? — не очень-то миром

востребован сон против жанра подвижки устоев
тобой восхитятся какие-то крохи освоив
исчерпана квота величий музейною нишей
могло ли всё быть ироничней велением свыше? —

подравнивать розы среди монастырской капусты
подавшись в завхозы побочным отцом Заратустры
Избыток бесстрашия — старость того перевала
тупым ли чик-чиком караясь кометно вставала

Пророчеств немеряно — лишь на своё и осмелясь
зинданов безвременья неуязвимый аппендикс
нарезав (командуя мифом) гербарий коллажей
и стол в помешательстве тихом гримёрно-монтажный
отцовский обеденный — дом сквозняки расшатали
покроют всё это кругом персиянские шали
сценариев что раздарил на правах снегопада
пустого дворца всюду тыл крыша едет крылата

сырая — как солнце слезой января проломилось имперски
как глохнут слепые творя колыбельные фрески
почище кровавых залётно и по-нутряному
сочтёмся взаимно погибшими сквозь гематому
помянем победу салютного ступора после
культурою всмятку тропой зажигательно козьей
а здесь пригвождая вдыхается слава герою
огулом простая уже не чужая одна за другою одна за другою

ТОЧЕЧНО

* * *

Растаяли пути пробитые
кайлом — сплетаются орбитами
март с февралём июня-августа
(мол только после вас пожалуйста)
а там ещё десятилетия
пройдут (но может и заблудятся)
сугроб растрёпанный заметила?
Он — это я (пока не лужица)
двор дворики — изрезан ёкая
ручьями озерцу завидуя
зиме весенней — пусть и блёклая
то заспанная то совиная
нон-стопит щедро узнаваема
пред «зеброй» шумно приторможена
как будто сессия завалена
ну или «рыба» доминошная
без понятых без непонятливых
отпущена по-Благовещенски
черпать небесное в атлантиках
в самозабывших и отеческих

* * *

Моим киевлянам

Без отзыва — от батарей
у лампочек — нули накала
что до участия друзей
когда бессильны — горя мало
желаешь «мира!» — та же фальшь
и даже стиснутые зубы
где твой рубеж какой не сдашь
чуть-чуть бы действительно сугубый?
Навряд спасёмся мы виной
нас вынут не из-под завалов —
клочочка из берестяной
из толковищ рядов словарных
где яд наследственный и трупный
мобилизованно гоним
на киборгов — а это «укры»
тянули удержали стрим
туннель сверхнового Завета
обещанного на крови
в отрубе мёрзнущего света
свои там или не свои

ИЗ ДООККУПАЦИОННЫХ СТАНСОВ

Петру Образцову

I

Окошко без стекла штиль серебрист спросонья
иголочка-игла как будто патефонья
тупясь подзасекла затёртые бороздки
мигающе неброски
с них плёнку плёнку снять теплиц или офорт
жемчужной пылью вспать рыхлея на опорных
на отсечённых «ять»

II

Отроги позамёл зудит чабрец попутный
вьёт планер-богомол гамак а там полундрой
гоняй ленивых пчел — кто б слух ещё изъездил
взвивайтесь на дыбы
хвост козьею лебеды
единожды совместный с дразнилкою возмездий
прилив-отливной бездны курганы и сады

III

Замрём посередине испариной в полыни
с насечкою «зане»
валун как Бог в латыни в кувшине в кувшине
Украине Украине вершково к вышине
скворчи хранись доныне
котёл на тагане иглолечек игл пиний
как здесь на монориме съедобных же вполне

САД-ПЕТЕРБУРГ

От пустого маяка море холодное отступит
процедура коротка вроде сальто на батуте
Блеском этим не сложусь но и вычет зреет слабо
Жди меня! Ты где Мисюсь? — Воскресенье у завлаба
Вянет стужа среди роз в лавочках оранжереи
«Кто мол он ей?» — не вопрос потеснились пожалели
переглянутся зане три души в прозрачном теле
три блокадницы и вне — Росси Лиговка Растрелли
Праздник зябко заштормит слюдяной налёт узора
щупая хурму самшит и авралы невермора
подворотню с топором газовую самобранку
втёмную переберём не насквозь так наизнанку
год потерянный за два ботанические джунгли
сфинксов — ежели сперва лапы выставив пожухли
город город-городок сам убежищем загноблен
величаво наутёк чудом (пусть пока загробным)
оборотнем из ребра зимнеплодного румянца
иродов поистребя исполать слезе смеяться
выше ничего не даст вам друг в друга понырявшим
берег-бережок на глаз горизонтом приукрашен

(2021 и тд.)

ВЫСОЦКИЙ

Явлений в нимбе терпковатом
не майся, старый, не проси
рык, певчий хрип обман-Руси,
он шкет, а не отец фанатам,
под голубиною петлёй,
царь «с гор долой», лизун пломбира,
ему и дёргать не впервой
за косы ту, что не отбрила,
чьей кожей пропахший бор
Серебряный (ещё не Зона) —
на зов по-строевому скор,
прижмёт и душит время оно.
Лилось-лилось во всей грозе,
теперь же сплошь стеклопакеты,
да и оглядки перегреты,
елея выдохлось энзэ,
Сын в балаклаве, Дух зашит,
контракты дьявольски бессрочны,
креста не узнающий Отче,
смолой латает дно корыт
аккордов трёх намок брезент,
а с кем Рыкун всяя ГУЛАГа —
здесь в бессознанке смерти нет
во искупленье против блага,
и лишь малютка-лихоим,
ещё не полоскавший горла
трофеями помойных зим,
зверёк, повадка чья тлетворна,
мне свой, свой неразгадный ком,
своя пропущенная свая,
вся мимо — рампа осевая,
в упор с которой не знаком.

СРАЗУ ПОСЛЕ КАЗАРМ

Сорняковых
картофельных
безымянных полей
ветер ветер
территорию
стоит в марево
в сине-желтое
марш ли шагом
отбросить выкладкой
некликнутой
над гречихою
цвет ромашечный
перегадано
просто адово
и отстреляно
отордынены
укокошены
всё-то по хрену
и бескожие
обагрённому
и убитому
будь защитой
мы здесь реквием
над безветрием

(1977 и тд.)

СЛЕД

(I)

1

Доверчивы запястья под жгуты:
«Господь храни Вас, анестезиолог!» —
Над марлей перегляд («С кем шутишь ты?!»)
Туннель мелькает, холодящ и зорок,
закатней бы, волосянее — в хрип,
гол под клеёнкой (малость не отлип),
к водоразборке — клюв замёрз орлиный —
скольжу ли, балансирую, скользя
натёртою полосочкой — нельзя
не засмотреться в лдяные глубины
барахтаньем до тёмной смычки глаз,
до полыньи, где родинкой ожглась
Венера сквозь гармоний разбеганье —
живительное, звенное зиянье...

2

Очнёмся — пригласили сообщить:
жемчужинку вертя, как часовщик, —
не заземлён последний Пиросмани,
шляп чемоданы у него слонами.
трубят на задних лапах, сам же — стоп,
и кадр в отвал, мангалу на растоп:
«Смотрел я Съезд. Монтаж мой — черепаший.
Крах царству царств от всей его парашы,
я кончился и в лентах не найдусь...
Давайте же, простимся наизусть!
Блажен, кто любоваться призван тупо

на пятна жира в утлой ложке супа.
Мне, старику, за пазухой искусств
я в тягость сам, взбешённый, многогрешный,
пусть даже прав я». И добавив: «Пусть!» —
дым отошёл от серых побережий.

3

Ещё незначительный, безбородый,
набрасывая «Исповедь» (свободой
тогда не дуло изо всех щелей —
без ОРЗ, ей богу, веселей),
хватает срок на первом курсе ВГИКа,
но выкуплен тбилисскою роднёй,
под «Цвет граната» стряпают второй —
вязать метлу из проволок и лыка...
Себя «прелестным и невыносимым»
батано рад признать (да, полосат)
и семечко разгрызть шехерезад,
ложась на мёртвый час под гнойным гимном.

...Вдоль речки горной пахлава, кувшины,
нанизан бык на вертел — поздно спать,
украл Европу (шкуру, тряпки, власть —
её то выпускали, то крушили),
пророчества теперь антициклонней,
упрямый дух отнюдь не посторонний,
репрессий ждёт, дарящих огоньком
(с кавычками и без)...

А на Донском
стена плющей и мрамор с тенью хвои,
каменьев неразъёмен ураган,
мутнеет в нише, сморщился стакан,
цветочков два (с поминок чьей-то Оли),
овал заиндевелый обкололи,
как гранями искрится радонит —
взгляд мартовский (проталины враскид),
берёзку — брызни тень — и не догонишь,

а с Богом... Бог, он здесь, дыхни в него лишь,
разрозненное зеркало звенит,
где горизонт был — был, но раскорчёван
(таким деньком тебя и взяли чёрным).

4

А я вот на отшибе жду комет,
(других училок не было как нет),
беру, где сам собой же подытожен
опережённый, где с дробильным ложем
попьянствует песок — и днищем вверх
бродяги П. Васильева лодчонка
одышке Афанасьевича звонко
сквозь джунгли соловьёв замолит грех
(у чёрствых пней без чеков, без квитанций
не забалуешь кольцами скитаться,
а шилом, шилом? — р-раз! — и припечёт),
айда же (званных дней наперечёт)
леветь — да просто быть! — в своем кругу ли?
В девятом? В тридевятом? — и вспорхнули.
Мы шутим — как известно, раз на раз
и шутка из-за пазухи фугас
покажь врагу — и смылся, враг, а, впрочем,
и яйца голубиные обочин
от языка на миллиметр, дразня,
подтаивают манной — он окончен,
урок порыва из ежей в князя,
к Жар-Птице в Жар-птенцы...

5

...но для чего же
скамеечка волной, киоск сапожный —
училищу потёрлись о подол,
зачем сукном экзаменов расцвёл
тест на испуг: кто всех румяней, строже,
разбрасывая ноги далеко
из грубой синевы комбинезона

(«Лючия Санта» штрих на «Сулико»),
квадраты заполняет упоённо?
— Поехали готовиться? (Ого!)
Я Ваш портрет на кухне дорисую, —
Чертаново, час ехать...

Кольцевую
как море, слышно. Выше, у плиты
парит картон в цветных мелках растёртых.
— Во-первых, поедим.
— Ну, а в-четвёртых?
— Омлет.
— Вы? Можно.
— Можно и на «ты».
— Ты рисовала? — Я. Но для начала
ответь ей, как тебе я отвечала.

6

Диагональ картона — остров бурый.
Семь... сколько их на фоне золотом,
студёном фоне голубей гуртом
облепят крышку люка?.. Тронь фигурой —
и сразу там...

Как с пенкой молоком
по горлу резануло, вспухший ком
(пузырь-громада) истончён, двоится.
Дракон, планктон, белёсая волчица
морских капуст податливей, плотней,
а ближнее — рогатый муравей —
метнулась (незатейливее ила)
зубная бухта (даром, что мелка,
трясучая для лязгов и кивка)
отчищена, покровсана уныло.
Но я спиной — да где ж резервы пыла
в ковчеге? Ох, тяжёл тебе ковчег!
— Мой, это мой любимый человек, —
гася конфорку, Ольга ставит блюдо, —
как свечку пред иконой, или в снег, —
чтоб теплиться (и теплишься) оттуда.

Я выгляжу пространством этой кухни,
 жечь — расходиться, что-нибудь да бухни,
 окошко запотелое — плита
 в четыре Колизея синеглазых
 шумит-горит, но истина заразы
 глаголит, чем команда занята:
 с властями дзен-хлопком, идеей почвы,
 чернухой, членством, видом на отъезд —
 забей, отрежь. Кто не дымит — пусть ест.
 (Быть можешь? Будь! Всё прочее — воочью).
 Радищевы придвинутся к Баркову,
 находит юбку, ищущий подкову,
 из невода курант семейный блюз
 пелёнками подсушен духовыми,
 (жалея музу, гнали б да хвалили,
 а от ума — умри! — не отобьюсь).
 Мы сядем, критик, скрестим по-индусски
 трёх стен взамен блатные три подушки,
 с четвёртой — дуй же крепче — отлетим!
 Смотри, смотри, как путь необратим,
 ведь не от магий, не из тайных обществ
 избранничество — хочешь ли, не хочешь,
 начал начало не приемлет ниш,
 мы для того и сходимся. Смотри ж —

под потолок вздуваемые шторы
 с фломастером пеналы зацепив,
 разматывают облачный залив
 гребёнкой (вроде радужной опоры),
 то неуклюже топя на лыжах,
 а то без напряжений (прядь с виска)
 колечки свиста отстают слегка
 от пауз в колебаниях неподвижных.
 Внизу, размером конусной тиары,

застенчиво пылят сверхзвуковых
цветные сопла. Удивлённый вихрь,
тасуя фильтры (парны и непарны),
как съехавшая маска — много ль их? —
из подражаний слеplen позвоночник
горой тарелок — на одну одна —
держась собою сам же — тронь — струна! —
и трогают прикольное, в непрочных
оттенках: «любопытство», «злая лесть»,
кадр групповой (мечтательно присесть),
и вот уже, соскальзывая в прорубь,
стригутся аки овцы — мрёт же голубь,
укол неся, рельефное клеймо:
«Привитый небу, грядеши камо?»

9

Сипит кофемашина — ланч, Манхеттен,
подглазий складки, талия грузна,
фавор Ти-Ви окуклен сном конкретным,
а пробу ставить где? (О, времена!).
Пан Йонас (лайнер, «Боингу» двоюрод),
улыбку желваком утяжелив,
сам в яблочко загадочно ленив
и бархатен. С кем дружит и воюет?
Вот с ним Поэт — аэропорт и шарф
кузнечика (семь пятниц на левкасе),
оценим ракурс в духе Куросав:
партнёры, нет? Счастливое несчастье! —
сиамцы, но другие: звон-изъян,
шкала развёртки — дважды океан.
Юн ум-талант, никак его не женим,
оса рассвета в абразивной пене
впустую жалит синевы стакан,
кричи — не докричишься, зов незван
«За мной, кто любит!» — здравствуй, войско Жанн! —
пыль млечная над пропастью весенней.

От дачного забора прыг — Свободен? —
 кузнечик, — Двое? Минкой подвезём?
 Не Юрьев день, но сыроват сезон,
 вот и вакантно место в эпизоде,
 по пояс отражённом в зеркалах
 кустов с обочин...

Политеха идол

А.В.? Он, он! (чувств ступор, и без «ах»),
 «Соседи? Буду рад!» (себя не выдал,
 а я узнал) ...
 — Давай к нему! Но вновь,
 как в тромбы загоняемая кровь,
 стучим — ответа тишина. Буксуя,
 всплеск на авось несомых «аллилуйя!»
 округу протрясёт стволами «Град» —
 исчез хозяин дачи, тем и свят,
 что носится, пока вы спите-пьёте) ...
 — Кто к нам подсел? — я начерчу в блокноте.
 — Он? Медиум, не знаю, чем распят,
 предлог, искра, зацеп, аэростат
 истории твоей, даримой дважды
 (иная краткость хуже воровства),
 на майский май соловушки-слова
 накрутятся числом предлетней жажды,
 коттеджи за оградой двухэтажны
 Черёмушек для штата «Физпроблем» —
 сняв снегурки, там под «Лили Марлен»
 по лесенке «твоя» взлетит — и каждый
 шажок лучист, прыгуч, вовсю нетлен
 из гнёздышка в гнездо — по образцу ли
 рассады, опыляемой взаброс,
 да и вокруг, кого бы ни «обули»,
 «побелка... — отголоском — купорос...»,
 из рук она вбежит к тебе же в руки
 (хоть сложно привыкать им после роз
 к тюльпанам января у стоп-разлуки)».

Уж сколько раз кровь то смирней, то брызжа,
 треща бенгальски, учиняла гон
 двойному телу, чтобы вышло вон
 в фильтлагеря, к мечетям ли Парижа,
 смахнуть прямой и оборотный Кремль,
 энергосберегатели без клемм,
 язык адамов убежал, но живо,
 зачищено спиртовками, огниво,
 о журавлях на север дышит грязь
 обочин, в снежных солнца изредясь,
 а исподлобья ангел (вмиг la viva,
 кудрей Джульетты вредина, Годива),
 нажав на delete дачною травой,
 в дом углубится, где давным-давно нас...
 Но — может быть, как знать...

(II)

...А Ольге Йонас:

«Женат, бездетен...» — он ведь не скрывал
 аквариумных зон (гладки подсветки):
 шли эстакадой, по дуге вокзал,
 «стекляшка», ночь, аптека, ветер едкий.
 Насупься: — Честно? Цель-то ведь одна,
 и ближе быть, чем наши имена,
 бок о бок (если взять Упанишаду)
 нельзя ни в Риме римском до упаду
 (с Емелиной ли печки, льды сломив),
 ни через бункер к саду-винограду,
 где Штирлицем ты царь для Суламифь,
 (семнадцати мгновений вёсен скользких)
 Снегурке — Лель, очаг-распев для Сольвейг,
 а рядом с Эсмеральдой, подскажи,
 кто двоерог, чья кровь на миражи?

Он сжался: фальшью фальшь — и фальши нет,
 а правда перепуганно жестока:
 — Оставим всё, как есть! — касанью вслед,
 к чему нам откровеннейшая склока?
 Консервативен я и не готов
 менять рутину (много в ней тонов),
 не торопи замотанного, рэгги —
 рабочий танец, разве он для неги?
 Я меж Литвой и миром лимитроф,
 продаться обречённый (ноу коммент)
 свободы ради той, чем волю кормят...
 — А дети? — перебила.
 — В этот омут?
 Рожать их здесь?!
 — Но, может, убежим, ведь родина внутри?
 — Не для мужчин судьба сосуда, если не запаян,
 мы только влага, влаге кто хозяин?

... Стол раздвижной в Печатниках сведи нас,
 и кто здесь Йонас? Кто здесь «плюс на минус»?
 (Чем славится, тем и страшна Москва:
 царёк из вохры — как же нам без рва,
 без проволок и вышек? Без идиллий?).
 Довысыхалось всё, чему кадили —
 вновь разморожен полуфабрикат,
 забытым вихрем «скатертью назад!».
 Всем — дважды быть! Я прошлому не флагман,
 я разве снайпер свету за холмом?
 Сочтёмся же, друзья, цветеньем наглым,
 нестриженным — и в лбы, а там ползком,
 издержками сомнений на диване:
 гранатомётом крыло вас в Афгане,
 или в массовке «Тиля»? Сдал Делон,
 палёным квасом через блендер смузи

выгуливая свой одеколон,
и верность — тёплый зов, как «гуси-гуси!»,
на почве, ставшей тестом, а просплюсь ли,
трап затянуло болью в бизнес-боль,
люк герметичен, взлётная, эскюзми! —
пора и шасси знать (нулём под ноль) ...

15

...А из иллюминатора дремоту
вспорол, глянь же, ГРУшник, что там?
Заместо двухмоторного крыла
волна-страница наискось росла.
Покрейзилось «письмо из фюзеляжа»
(ход, прямо скажем...). Почерк, почерк сверь...
Соседний люк: опять письмо! Всё та же
с платочка кровь. Бал. Полночь. Спиртом дверь
опрыскана, разя. Табло погасло.
Набор высот (и как бы рельсы маслом) ...
Запрись в WC — вновь в зеркале оно,
сознания иссушаемое дно
всё ближе ... Сполз туда ...Вдруг об Уайльде
замкнуло: «Уступайте, уступайте —
смелее в искус — он и отомрёт!»
(эсквайр, прости горячный перевод!
А кто вчитался, не убий итога,
нам и одной судьбы блаженно много,
ей надо-то всего — тьмы взяв щепоть
ребра пустое место исколоть).

16

«Любимый человеке, Йонас мой
Витаутас, ополоснёт волной
(с той самой репетиции «Дракона»),
что утренняя мне твоя знакома
улыбка — разве нет? Но мы одно,
диада, двойня ... Все четыре года

твержу: поток отчаяннее брода,
пусть сердцу туго и наверх темно —
дай руку без огляд... (большая клякса)
быть сильной так легко — верна лучу:
не жертвовать, даря. Дарить — не клясться.
Луч — тот же колос. Наравне учу:
свобода — лишь координата братства
четвёртая (зачёркнуто) ... стеной,
и в порошок те стены стёр бы (скушно?)
муж (но не им загадано)...подушка
была б сухая — к доле прописной
(в кольце заглавных) я несправедлива,
платя за всё (законом перелива)
Бездвижность же с полётом — близнецы.
Одной нельзя, но в чьих руках венцы?
Снежок весенний «Чайки-Джонатана» —
вот по делам земля мне. И не странно
сгорать, когда рассказан нижний свет.
Ты сможешь сам...» (зачёркнутого нет).

17

Нет от земли вестей — былинки разве...
А выше? Пыль да пыль, её флэшмоб, —
из ноосферы взяться этой фазе,
окутать нас — наверное, пошло б.
«Ничто не вечно!» — зуд не зеленее,
о том картавя, мумий Мавзолея
отлаял на карачках, довершив
бесовский шопинг — тленьем будет жив,
живее всех живых торжеств (морозны)
совпал морзянкой грудничка-мимозы
«агу-агу» на всю Мама-Давид
в мугамах и дудуках нотой нищей,
вспорхнётся — и готов тебе артрит:
коллаж усатой проволокой повит,
(а зенки, зенки — ох, и завидущи!)
для метел, кашлей (дутый содомит —

зажги у «петуха» — и ты опущен),
 серп, мрамор, борода — троянский щит —
 «Мстят ментуре, но вмажется Орфею,
 за то, что красотой остолбенею,
 венчая Лавру фресками про снег,
 я пировал — и на пиру ослеп»,
 («Да, Софико, представь: ты в ожерелье
 с моею головой на блюде гжели,
 упрыгивает этот иглобрюх,
 укатит под бюро императрицы,
 и не с чем заплесать, а он потух —
 — печальней только Бродский круглолицый,
 куря, как дворник, в долгую метель,
 дрозд, пожиратель змей, изгнанник шмель —,
 из шляпы фокус — дай преобразиться!»
 Лицо вдруг видит (Индии мотив),
 — Эй, — ношу антикварную свалив, —
 снимаемся? Стой, стой же! Я не Демон,
 а ты... ты львица — на врата Микенам!
 Есть обаянье, ну! Ты Шушаник,
 сосватана к соседям, а жених
 твоею же роднёю убран с трона,
 ему ты кротко или беззаконно
 верна, как в гроб ложась....
 — Ум восхищённый
 у Вас...
 — Э! Ладно, ладно, вот кифара,
 играй!
 — Я лён чесала б и трепала
 и Йонаса, гадая по углям,
 ждала охотней...
 — Зря. Твой подвиг — хлам.
 — А как Вы к Достоевскому? — Он, тоже
 моих не видел фильмов?
 — Вы похожи.
 — Я? В подлиннике читку миновал!
 Нет, я не чукча!
 — Разве?

— Минотавр!
— Идёт! Ваш — объектив, а я — картоном.
— Смерть или старость — дурь башки?
— Но кто нам
к пульсированью жил вязал балласт
обоих женских слов толкучкой в ГУМе?
Вот остров мой!
— А мой — на белом шуме!
Поставлен Лунгиным шедевр без нас.
— На что поставлен? Там болтлив игумен.
— А на попа!
— Хотите быть восьмым?
Слой писем — атмосферы нет озонной.
— Внизу экстрим!
— А пушкой не разгоним?
— В отрыве — да, и нет — сжимаясь им.

18

...Труслив, что сжался, не искал, отбросил,
судьба хромает, с тех же дней крива,
сырыми огоньками голова
просторна, заболочена, без вёсел
в ней чавкают и пыжятся «ать-два!»
акселераты-годы и «за тридцать»,
изогнутые вольтовой пращей
и те, кому на всё, и «Бог с тобой!»,
рис, репа, хмель, шуршащая пшеница,
частично Лимб (легко и ошибиться),
косичек понаплёл порядок-змей,
хоть отжимай, а лучше сам синей
с чешуйками скитальческой неволи,
на дождь в «конверте» вынесен давно ли?
Андрей и Маша — первенцы, но чьи?
Крест-накрест рай, как радуга в ночи.
Великой лужи ревуну большому,
жиров китовых, «Псоу» и «Боржому»,
«О вкусной пище...» глянцевого страниц —

не всё ли медлить? ...Он упруг, тернист,
состав — гремуч и на восток храбрится,
по коридору коврик (медью медь),
кряхтя, его скатала проводница
подзорною трубой: чуть протереть —
без кислорода круче сажей сыплет
(кошёлку осторожней с потных плеч) —
по Нилу к скифам, и опять в Египет,
укроют камыши — того не сечь
прожектором паническим, но шваркни:
час «Х» мазутен, горе ли беда,
на тех, кто с биркой, скалятся овчарки,
в Биробиджан «столыпиных» стада
на запасных готовы...

Лес... равнина
рак... лебедь... щука... зайцы (гнать, так двух),
кладут к педалям пианино — пух,
салютной пеной пол помыт (ранима
пружина тесноты, где молодым
от кандидатской ватман вместо ширм).
«Куда угодно!» — мамин ультиматум
возобладает в пятьдесят лохматом,
плывущего перрона место свято,
а вот и якорь вгрызся: Жигули,
овражистые волны тяжелы,
спина ж назад, как всосанная, едет —
ау! Дед! Баба! Где ваш «дебет-кредит»?
Склад-исповедник-столп Святой Мартин?
...Прожёван молью шторный габардин
и «Утро красит...» — как по аюрведе
швы ряскою завязало — и долой,
лечиться ж мне — ступить на жесть карнизу
и зигануть: «Эй! Верною тропой
все по домам и без фанфар!» — а снизу
свист и восторг: «Ты, паря, не ой-ёй?!
К нам, к нам, к столам давай, к общагам
осмысленным, родным и беспощадным!» ...
...А лодка всё шустрит, но часто глохнет,

(винту коряга — жрица жриц, он — бог ей),
двух берегов срастается война,
не то, чтоб ум — душа ума знойна,
сладки наутро будут ли скандалы,
а эти понарошку запоздалы,
раздуты до непуганых грибов,
закат на пуповине — лень дневная,
шест стрекоза пружинит иван-чая,
от лапы курьей липкий след багров —
так в озеро Великое мы вплыли,
садил багор по шеям топляка,
(точнее гландам — всё надёжней, или
не уклониться от борьбы терпиле
с придонным змием) ...Голоси, крепка,
дорога-ложь (аппендиксная ныне),
Близнец подарен (без молитв о сыне)
и Рыбка-василёк («пока-пока!») —
три стороны, ощупаны в тумане:
то чибис, то философ-ёжик вспрыгнет,
заслышав жабу — здесь, по влажным дням
аукаемся трое — зябко нам,
и покосилось, и заматерело
столетнее крылечко в детских вело,
зуб времени (калёный, из больших),
травой перевязавшись — вдруг сумею? —
вскачь, заново, бегом летят на шею,
наносят, судят, мой стирают штрих.

19

Саднящих расставаний от фантомных
любые навороты стёрты в рай,
и этот отблеск, глянец, ворох комнат
сквозь солнце — разгребай не разгребай —
вкус или запах — отличать пустое,
игрушку-навигатор отругав,
как в зеркало, как в лифт, как на руках —
безоблачной изнанкой нас ли двое,

брожением отмученных обид
между квиточков, штампов, лент багажных,
контрольный выстрел не решился дважды,
мы это предаём — опять свербит
шлагбаум, крест, а между листьев купол,
забором поле скрытое — кто б думал,
что нам не разминуться здесь, Борис,
по узкой тропке и над бывшей пашней,
перед плащом же с вешалкой всегдашней
и кепкой как часы — поправь, найдись —
ступеньки заскрипят, потянут ввысь
обтаянные августы бермудства,
кружа — их подкормить и отряхнуться;
лучи морщинок, извиненья впрок,
расчищена делянка, что ни утро:
«Прекрасное, — улыбкой детской, — трудно!», —
размял плечо и яблоко извлёк
из-под сапог, чуть горбясь, но высок
опёртый на лопату ангел дольный,
иначе не моги (забыв про «вольно!»),
вне времени времён, вне голых строк,
отобранных у хвороста, у спичек,
у всей из одиночества в чуму
раздвоенной любви — откуда кличет
и где нас нет — не слышу, не уйму.
...Часы под головою у постели,
так — руку на колено б — и летели
через билборды, через вновь билборд,
нет паузы от самой колыбели,
и не в комфорты стольный град упёрт,
двойным витком империя совьётся
в колечко, не побрезговав, примерь,
изогнутое золото потерь,
а за чертой рекламного несходства
Поленов затрапез, гитар гусары,
шмели на шпажках, с попугаем клеть,
привычно без очков глаза усталы
(джульеттиному в них не обмелеть).

Ещё жаднее вас навеки двое
по росписям стены снесённой Цоя
(целёхонькой бок о бок, несмотря
на явный перекося в прилив-отливах
Евангелия от нетерпеливых,
как на Угре, как в дождь его заря),
есть странные слова, «зато» и «зря»
стояли, грелись, ну, а, может, вы их
лишите, наконец, календаря
прискорбного, с заменой мёртвой кожи,
на ту, под чью нельзя вернуться тоже,
нельзя, но героизм не виноват,
и вами вновь срастается Арбат.

20

(Колесики юлят, груба клеенка)
Ещё из-под наркоза, но по швам:
«Ну, как зовут?». Узнаешь, отче, сам,
а что не так, протри, подправь легонько.
Не двигаться, на потолок летя,
дразнящий хрусталём Аустерлица,
зло (если зло) не тьмы одной дитя,
(да и она пустот порой стыдится,
и от руля, бывает, что сморит
качалочка наезженных орбит,
гамак между блаженством и укором),
налепится на скальпель буйным хором
фар леденцовых разноцвет-скриншот
не глядя подошьёт концы кишок,
рассохлось время (голое напором),
щит ржав, тяжёл, окна шарнир напрячь,
всеведуща труха у майских дач,
сгнил одуванчик в капюшоне полом,
колодезной поддевом край плиты, —
выскальзывает лом, мозолью жалит,
а жизнь твоя, царапая, ошпарит,
сожмёт в захлёбе несказанным «ты»,

ещё, ещё куда-то несказанней,
столб слёз средь ночи, сгорблена слезами:
— Спустя всю жизнь — зачем? Зачем сейчас?!
Детей уже не будет...

...Да, светясь,
сложнее счастья и его болячек
нет ближе ничего по глубине,
узнать, как всё из рук от них же плачет,
вминаясь недотрожнее во сне,
а если бы и нет, а если стёр бы
ужастики подобострастной скорби,
что ветвь сухая вы себя самих,
кострище, хворост жестов, ад немых,
смертей изнанка всё оплатит кэшем,
всех счётчиков такси щелчки воскресшим,
«зелёным» приберётся этот вспых,
«нельзя беречься!» — поздно понял Дезик
Самойлов-балагур, он честно грезит,
за пазуху рассвет погас, поддых,
с тобою он едва, от вас идущий
взрывной, безоболочной, долгой кущей,
из воробышек в соловьи бултых.

21

...Вынюхивает холод, перепончат,
забыта на ночь, вновь не заперта
веранда без царевны и кота,
до половиц сползло со стула пончо,
напаялил рукомойник бюст Сократа,
а поле первым сорняком богато,
туда тропинку раскатал горох,
крольчиха перебежками припустит,
насторожился на развилке суслик —
Раз! — и уже ищи его (до трёх
след не жилец) с погодой праздной в клинче
от станции (забором скрытой нынче)

аукаясь, чтоб счёт успел назад,
гостей семёрка, скопом ли, вразвалку
меж сосен и ручьёв, как сквозь скакалку,
шаги взлетая, выются и стучат

22

Из бисерной игры обратно в греки
тростник и буйвол (оба каратэки),
сестра второму — вылитый Бердслей,
бубнящий мантры волк (почти что змей),
мим, вкрадчиво изображая тыкву,
и может, всех главнее (бегло вникну) —
князь, князь-пружина, раздражённо-ал,
с женой-актрисой — гордость, идеал,
певуча босиком (для постриженья),
траве росы едва ли тяжелее...

(III)

23

(Не те же ли, с Чертановской постели,
вокруг поляны сгрудились, расселись?).
Отчаливай, мистерия, вперёд!
Орфею и менадам, кто начнёт?
Под муравой и реденькой соломой
Аиду бедновато родословной,
а вот для ринга званых самый смак,
но вызову преградой Ольга в белом,
обломится (шутя, но и никак),
роль тени князя мажет беспределом,
(пучок органных труб — его желвак),
испепелясь, зажатый по-удавьи
(не я Орфей — она, опять она)
— Присутствовали мы при увяданьи
(брезгливо за обедом), ей хана,
лазурной теме юдо-европейства,

бабью кольцо всевластья не наперстно! —
(ключей, вставая, связку зашвырнув)
— Ты с кем? С ним!? (вспученная шея)
С шабатом крест? И как тебе кашрут?
Мешать здесь любят, большего не смея!
(на грани слёз красавец)

24

... Ладно, гут! —
об стол прокинет связку — не задеты
солонка, нож и прочие планеты
эйнштейновы раскладом тут как тут,
поразбегутся табуны стоп-кранов,
сдох поединок, на корню увянув,
выносят котлован, где тлел астрал,
дом вырос покряхтел, не опоздал,
слепился из панелей, тюлей, лоджий,
окурков, «оливье» от живота,
бой, вечный бой до зрелости не дожил,
не взвил с неопалимого куста
«георгиевских» ленточек-двухвосток,
(«звяк-звяк» мусоропроводом напёрсток),
осиротело днище под шитьём
изогнутых антенн (у танго в крёстных),
убрали звук, а вроде не ревём.

25

Дитю, с дитём и без детей, живьём,
в жилетах ли оранжевых до Нары,
глушилки разгоняя и радары,
пора, пора, по веренице хвой
к Донскому колумбарной колеёй.
Там расчертили синус под жгутами,
помада, лак — всё выдохлось, мой друг,
но воздух, отзываясь, как татами,
смагнитит неприлаженный каблук —
восточно тонкой вязью бремя пола

и прямоты — земля, земля и школа
без окон, без дверей Тереза-мать,
хитоном-сари колокол индусский,
«Кому-то всё» (ты помнишь? — об искусстве),
«Ну, а кому от кукол — и рожать?».

26

С четвёртой группой и тромбофлебитом
не та больница (родины не той),
носами хлюпать на пути разбитом
хронически приложено Москвой,
ключей неотпускаемая трасса
предателям её за что напрасна?
В прицельных снах, с ним, трусом и кротом,
стирайся, остров, явленный холстом.
...Шлагбаум поднимается молитвой,
но едет, едет груз негабаритный,
черта жирует, вовсе не печаль,
не столько фамм, как след её фаталь.
У ниши постоим с автодозвоном
гвоздик засохшей паре на помин,
лишенец-бомж, наверное, гранёным
потешился, раскокал, скунсов сын,
а всё равно — её ни здесь, в овале,
ни в зное, как пушинки залетали,
пока не сдуют, контур очертив,
нигде — ни в сноске, ни в искре волчковой,
ни в гумусе, ни магменной подковой,
где накопитель, или царь-тариф
свободы варит клей среди мальвазий,
не будет девы-Ольги в самовязе,
тушующей межбровно третий глаз
теплыню, что вдоль Пасхи разлеглась,
но подмигнёт изюминой на блюде
холм творога: «Кому? Кого не будет?
А я на что? (взамен пяти хлебов)
Фильтруй базар! (и рифменный улов)».

На лобовых Учителя Большого
 тесня, Володь, Владим Семёныч, Вова,
 молчаться лучше стало, веселей?
 Одна дорога — смеховых скорбей.
 Отбить слезы почётный караул,
 («работа есть работа есть работа»),
 Ваганьково как раз чтоб для народа,
 и марш вперёд, куда бы ни подул
 пассат-муссон — гитар не пожалею,
 вон той особо (в лентах-плавниках)
 а кителям и разным там шинелям
 заказан или нет Великий Трах?
 Рычун ему не сторож крышкой гроба,
 и море морем через край полно,
 захлёб — он сам «зелёнка» от захлёба,
 прилив-отливно доплеснёт панно
 до хижин (любопытства, может, ради),
 до олеандра — он, кровя стеной,
 развалины щекочет Гантиади,
 всю плесень их черты береговой.

Иди же! — отгоняет и уходит,
 не уходя ушедшая, сумев
 шлейф дуновений раздарить погоде,
 инверсией прижечь кроващий гнев,
 нарывы шествий, осень-пофигистку,
 и в перемотках по всему регистру
 надрыв-стежю любовью из палат
 простышкой покрывая, нам разводит,
 а мы — мы оторвёмся в гиблой моде
 на перемене мест? (Увы, свят-свят...)
 Здесь линия (когда-нибудь наскальна)
 пружинная, наивнее, чем пусть,

поляна к небу, пяточок асфальта,
где разминуться сможем наизусть
(но лень), верны да будут по-собачьи
откуда ни возьмись — и вновь иначе.

29

...Иголочка бодается, тупясь
о край винила и о центр, где часть
сна — ледоходен треск, но в нём и снишься
губам, губами, а потом без губ,
часть встречи, закругляемая вспышка,
досыплю-ка ей «Вискас» на You Tube,
там ирисы полью, на холод ставя,
а вот звонков и эсэмэсок стая
по сенсору (с пометкой «МГУ»)
где нежиться кошачьим кенгуру,
скребёт, подкормки ждёт, сырого ль мяса,
им всё равно сквозь чью слезу смеяться,
но если я когда-нибудь умру,
балкона остеклённого дверь после
Вернадским на пустырь и в Иллинойсе
(да, Федерико!) скрипнет поутру,
кириллицу ивритя под урду,
ещё одна из будущего фотка,
бутоны любознательно-желты,
спасибо, что настойчиво и кротко
(всё, всё ль поняв?) не всё спросила ты.
Клад сквозняковый медлит разморозкой,
то пухом, то копиркой папиросной,
ленивой Истрой, знойной Долоросой,
через дорогу местом для могил,
а у метро походами по рынку,
снесённым счастьем быт пока в новинку
и соли солоней след не остыл,
где я твои укоры замываю
пушинками — белы, теплы, крепки,
себе самим «Отстаньте!», «Баю-баю!»,
а вам: «Что ж вы расстались, дураки...»,

кого ни рифмой не пронять, ни прозой,
забыв её же, зная, что сама
на шею просыпается в прихожей
вернувшемуся не с того ума.

30

...Как, Ольга, часто за твоим лицом,
за копией, трус, рвусь, а на другом
краю сравнения, трусость разгоняя,
кричу себе: нож по сердцу — другая!
И вас не соберёт (меня же — съест)
избыточная бездна — клейкий текст,
он исправления цедит и таращит
помоями, яичной шелухой,
в кулак сгрести с копиркой вороной,
смерть задавить в бумажный шар шипящих
Мемуаризм — кристальное враньё,
сдвиг (не по фазе) — главная удача,
и вдруг суровы подвиги её,
(сам путаю, то млея, то кудахча),
то вдруг, взойдя на свежую волну,
отрежу героиню, зачеркну.

31

...Ты не от взморья, не от янтаря,
другие смолы также были б зря,
песок частушек, молоко рапсодий
за вредность на секретнейшем заводе,
где грешникам инструкции просты:
венцу турбин или чему-то вроде
обсчитывая рёбра да хвосты,
киём разбить шары поверх обеда,
затем и над отчётом поклевать...
Коллеги! Хитрый сон: ваш, ваш опять
ведом по коридору: «Сань, откеда?!»
Чмок секретарш. Прищуры военпреда,

на выход, к турникетам от пинка
вибрируй, праздник — есть баланс, пока
скамеечка волниста перед Щукой
с девчушкой затаённо круглощёкой,
страны чудес Алисой-кенгуру,
мы тотчас в режиссёрскую муру
впряжемся — перед сессией отчислят
(предлог найдётся, а худрук завистлив)...
Клуб от меня в Текстильщиках прими,
где меж деревьев и детей детьми
произрастаем без воспоминаний,
зарубленный прогон уйдёт за нами,
(ютили — это сильное звено —
«Снегурочку» пруды у Косино),
потом на дверь и мне при всех укажешь
по-матерински твёрдо: «Кроме лажи
что принесут метанья? Не мешай!» —
шагну через обиду, лучший май
облюбовав, откуда нет исхода,
и там законопачусь, год от года
уже не различая слепотой
по образу ангины обложной
сомкнувшей докрасна тот белый выдох,
кивать на виноватых и невинных
сама когда останешься одна —
свидетелей изгнания и распада
по одному жизнь вынет, разве надо
стоять потоку поперёк? Важна
себе лишь верность (лучше бы измлада)
и вскоре чревом будь вознесена,
смиреница, уборщица, жена,
да просто мама (редкой группе крови
отложенный удар сыграть не внове:
нацелен вверх родильной травмы тромб).

32

...По мрамору поедет «ящик», чтоб
упасть в объятия пекла... С тросом лифта,

как с пуповиной, связи нет, а в нём
ускоренным паденьем, жилой — их-то
смену или останусь остриём?
...Опять июнь. Мы пух его сорвём
(повязку-антисептик), сжатый, тёплый,
и всё же траур — перебейся, лопни,
комок родства до зёрнышка давя,
проспект как будто складывает шасси,
отчасти апокалипсис, отчасти
на стол твой абрис выложен (твоя
пушинками броня), а я другое —
в с ю б возвернуть сквозь путаное горе,
не скорбь лелея и не ореол,
крест запалил, из искры джаз развёл.
...Оторвана от неба неудача.
След. След и только. Знача и не знача,
стену стеной заклю, развяжу
по взлёту дорогих останков быта,
знай, где слеза бесслёзная зарыта —
на тающем Вернадском, там, внизу.

33

... подхватываешь у весны сморённой
оваций шлейф, липучий след гримёрной,
воронкою — урчание смертей,
отгамлетился альпинист-Орфей,
за ним ковбой Дассен и вещей Даль,
(для прочных рам неуловимы оба)
щелкунчика вдова Н.Я. (скрижалъ,
подруга удержательница брода
на Лете пересыльной, отпоют
вблизи Речного...

Созван скромный люд,
снег у притвора топчется с оглядкой,
из уст в уста озябшая Москва,
вся суета сует борьбы украдкой,
самой себе без ладана черства

до выноса, но тотчас дымом сладкой).
Я сам толпа, спешу, ловлюсь толпой,
недоказуем этой вита дольче
мотивчик рванный, куцый (чай спитой),
вдохни его стоической ли Польше —
он что-то вдруг из воздуха склепал,
корябанный о вереск, о малину,
по сыроежкам стебельки раздвину,
газеты напихаю в печь (вандал),
чиркнув бальзамно солнцем Шяюляя,
а ныне передышку закругляя,
(прибой чтоб не щипнул, тащу повыше
махровое) обзором оголю,
как землю садом запалили — слышу,
родня той гари, шорохам, гнилью...
Её палят, но мерою мокрушной
хозяина рассол зелено-рыж,
шуми, шуми домушницей-ракушкой,
наружу, внутрь ли — луч не утаишь,
край шторма отнесён головокругно,
по легким йод пущу, метнув голыш,
авось и первый раз не расчерпаю,
на ревность же халявным всем разам
согбен вон в ту двудырчатую сваю,
в рельс вдолбленный (отпавший от сезам),
ну или в холм, что выгрызла мимоза,
отшелушив полёту семена,
иссохшие (казалось) губы множа,
безадресно (казалось) зелена.

(1983, 1995, 2010, 2015)

ДА

1

Полине

На «ОМ»-ике предплечьями
коснёмся беззастенчивы
бурун же зеленей
знобит от дизелей
прижмись — стремнина вспенена
в серёдке у мгновения
на «ОМ»-ике гасить
возможно ль ненасыть?

Тепла брызг ветра — натрое
разъято невозвратное
лишь ниточка одна
змеится докрасна
журча слепя — возможны ли
из ниточек неложные
суровых же прочней
а мы а мы на чьей?

2

Клад ли где дыряв а где припрятан
выветрен божочек бог куриный
дразнит нас преследует фарватер
сбывшимся подмятые руины
намертво смагничена оглядка
гололёдным под навес перроном
кинолента дрогнула — и ладно
встреть меня к тебе приговорённым
небо декабря в румянцах стужи

близоруко выдохом оно же
всё что есть неспешного снаружи
вновь на узнавание похоже
клейкость хвои в головы наклоне
сонное недоспанное детство
счастья и вины запас огромен
дар двойной легко с которым спеться
он развеян обморок итогов
ревности к поплывшему стоп-кадру
будет будет с ним что не могло быть
но продлится длится до упаду

3

Понимать не обязательно
(да и умирать наверно)
неопознанная ссадина
и по коже и по венам
рябь речная цвет по-лисьему
затаившийся обманный
оглушая отзовись ему
дизельные барабаны
буйного междубережия
сходен торкнутых подошвам
и ещё запаса внешнего
вверх карабкаться за прошлым
дует где у леса озера
в поле же открытом стихло
нас учли (с испуга козьего)
листки — блаженством вихря
день в зените — из последних ли? —
перистого невозврата
меж беспамятством и сплетнями
ты юнее чем когда-то
нерастраченной мгновеннее
отшвартован рейс как надо
дрожь причин для преломления
на судьбинный город взгляда
искажается разбаловано

послевкусие удачи:
у соседок нижней палубы
лишь волнушки но тем паче
к этой вылазке не хвастаясь
островом дано прибиться
и неуловимо властная
наша россыпью грибница
взрыхлена теченьем тронута
а из воздуха древесна
вот ведь только что укромная
цвет меняющая среза

4

Нам одолеть не без труда
утоптанное солнце льда
минуя островок обмана
он — разве он та сторона
что сплющивает времена
отодвигаясь неустанно?
Подспуден и неслышим взлом
со дна — мы глубоко вдвоём
без лыж — теперь не наострятяся —
рукой с рукою следом в след
цепочка нас кого здесь нет
как два сродненных иностранца

5

То фоткаясь то внеогляд
расправим полусон-обряд
передвижную середину
и у турбазы снегоход
клок вьюги рыкнув к нам прибьёт
черняво-белой масти псину
из «Фауста» вольняшка-зверь
прикормлен ли? — поди проверь

поделишься — сбежится свора
но слаще голода в груди
обман обратного пути
отстал бедняга вечер скоро

6

смиренен зверь... Но кроме нас
распотрошивших раз на раз
гуляк бездейственного рода
нет человечков — нет лыжни
кому пугающе нужны
беззвучна тишина-свобода
как сумерек застывший стяг
опущен стелется врастяг
стежок — и сполох совпаденья
у капюшонов с глубиной
реки пока что не взрывной
до (погоды) самозабвенья

7

Всё не вечно а извечна
к пульсу жадность повторений
лишнее вочеловеча
светотенью акварельной —
изрисованные ветви
набережной по асфальту
и не важно — есть ли нет ли
если даже будет жаль ту
в Струковском одну прогулку
робкую от золотого
перешёптыванья — хрумкнул
дождь глотая два-три слова
чёртов круг укажет взлётно
где скукоженная спица
к холодам с замазкой окна
дан сквозняк — озолотиться
шапито потерь-сбываний

перепряткам отражениям
их качели мы разбаним
всех со всеми пережением
щедро ли рвалось таилось
приручаема доныне
золотая жадность милость
островка посередине

8

Колокола депо трамвайное
всё хорошо всё ничего
себя не слыша разговариваем
от фар газующих черно
царапает крупинка вьюжная
гирлянд качаются мосты
всё хорошо всё незаслуженно
впервые — Господи прости! —
мигая на зелёном циферки
ужесточили переход
эпохи расчётные кризисны
благоволение — это вброд
прогнуть календари надколотые
чтобы трансмиссий перезвон
опутал новогодья колокол
сам по себе же камертон
открыт всему теперь как вкопанные
смешливому сближенью губ
доверимся замрём в апокрифе
случайно — не случайно — вдруг

9

Сон росой примяло — и день потерян
тишину кузнечики народили
у неё внутри новостей пропеллер
перебор усталости от идиллий
По холму взберёмся от Сока с Волгой
замерев на фото в геном романа

звонок голосок — и грудной сторонкой
струнная икота — распев тумана
Миг без тормозов без ущерба пульсу
неостановимое равновесье
композиционно лицом к искусству
а взглянуть прицельнее — просто вместе
Через круг пустыней полувековой
что бы там ни бренькнула ностальгия
на одну потерю из вспышки новой
задолжал кому из вас всеблагие?
Качество размытое — знойна серость
к верхней устремилась одноколейке
новостному стрёкоту с ней же спелось
от окраин пафоса до... навеки

10

Усушен до грязи сугробы соскрёб апрель
свидетельство выдано — росчерк воздушным змеем
от знойной поляны (той самой) нам жизнь отмерь —
она оглянулась всегда на неё успеем

Тебе же то с моросью северной то в росе
уют и душа отлетающего зенита
верны удивленья кладясь изнутри на все
приливы земли (размякла собой забыта)

11

То бездыханен снег без пущей важности
а то и суетлив и над и под
как поиски куда-то задевавшейся
клеёнки расстилаемой раз в год

ей потеряться здесь где ограничено
ресурсов метража углов щелей
немыслимее из ничего синичьего
на корм налёта (хоть и не мощней)

Шкафы зияют пустоты кульбитами
пакетов утеснённое нутро
прощупалось рутинно перерытое
замыленное хаосом пестро

За этой самобранкою погоня ли
слоиста по-метельному нова
нас нищет мелочами посторонними
не разбирая тут же на слова

горячие они лишь ускользящи
на месте сбоку скромно прямым
узорами клеёнка та — пожарище —
выснеживая всё что не найдём

12

Приторможенные наледью
что за праздник порастопим
оклемально целовальную
крутанув улыбку дальнюю
бумерангом гироскопом?
До вершины вперевалочку
червоточны иглоносны
воронья увёртки галочки
по нулям сыграли палочки
лыжные а там и сосны
раскачают в насте колышек
где пружинено колечко
рушься ли взмывай — о ком ещё
так щемяще и осколочно
сдваиваемся навечно:
запросто по Велемиру ли
«Русь — ты вся...!» и «...не морозь мя...»
(«ой» как вырвется — кремирую
и цитату эту сирую
и крепёжные полозья)
Мы на пике тягой крестною

таяньем — острее бритвы
ополоснуты асбестовы
из энзэ какими средствами? —
губ губами первобытны

13

Безрыбье добрых ли каких
тупых любых
ворочает ласкает стих:
«А ты не псих?»

Псих — просто звук но в звуке тромб
свист бомб
сгибается повёрнут к ним
подсолнух рифм

С Эсфирью Феникс — все близки
трудам лузги
нас в жальце звонкое взяла
пчелым-пчела

взяла ввинтила — где она
душа-родня
не яд не мёд — разрыв-родня
твоим-твоя твоя

14

Мы ничего не выбрали
себе другим подряд прощая
все виражи все пасторали
есть тяга к этому большая
в невольном самолюбование
для тех для тех кто понимает
разводим руки — нет? — киваем:
где бездна вкуса там суда нет
Мы ни при чём толпой ли схимой
(хотя конечно плоть от плоти)
на танцплощадке мнемозинной

и в самой гуще и напротив
Что мотылькам ежам дворянкам
на этом запоздалом сэлфи
на этом пикнике протяжном
дано помимо «Сейте, сейте!»?
Признанья гордые пасите
в два такта или на три счёта
по несгораемой орбите
(прекрасной всё же отчего-то...)

15

Порасчертили так и оставим
миф неизбывных сует расставаньям
пусть и укрылись искрой
загодя все перспективы прости ей
скрестятся если пути запасные
ихним изгибам ты свой

о непрожитом нытья рецидивы
где по-нектарному капли цедимы
и не проглочены днесь
сколько ни рой — не нашлось оправданья
протуберанцам второго дыханья
первое только и есть

Произрастая в речном переплеске
силы со светом по-лобачевски
связаны где-то узлом
преображая каштан за балконом
вроде бы не по канонам иконным
что это — не узнаём

Древу кровей шелестеть перед устьем
и разольёмся и не отпустим
сеть прихотливых протоков
междубережье мало-помалу
нас единит и уносит к началу
самому-самому — впрок

Километр по прямой до залива полоской бесцветною дразнит
 или 20 минут не спеша поглазеть на вокруг
 добралось всё моё разморозкой мгновений заразных
 их пучок подсобрал перед лестницей Дюк
 застывая со шпагой ввиду блеска палуб и доков
 счёт ступенек то мряка то зной непременно собьёт
 как внезапный твой коммент включил бы облом этих сроков
 этих волн без него этой ссылки под грохот свобод
 Ближе к вечеру — синий уже не оттенок а лакмус
 перемены стихий — твердь лишается сил
 рухнуть ей не даёт кипарисная гуща согласных
 и пока повороты шагов не прижал не накрыл
 шум прибоя сродни барабанам из прачечной
 подражая ему я кручусь мимо лая с приветом затейливых дач
 полускрытых кустами чьи клички забытые начисто
 заливаются по-петушиному как от них ни фига
 а навстречу кто в масках кто без сторонясь притязаний
 без намёка на юмор с возвратом и лень про запас
 наконец близкой тины всю запах чувства разбанит
 где союзы? где речь? где песок недотёрт и зубаст
 не успевший обсохнуть? — накатит залижет барашек
 жизнь — избыток смертей или наоборот
 воздаянья зеркальная блажь туго-натуго ляжет
 сквозь дышать не моги в безнаказанно гулкий черёд
 Я стою пересыпан ракушечным сором тупарь-одиночка
 не рыбац по камням и назад не ходок
 здесь тобою обвита рука из непрожитого заочно
 или обе спелёнуты в скомканный этот глоток

Петухи как сигнальщики-мины
 брех дворняжий торпедам сродни
 чьи наводки неотменимы
 пусть не в яблочко здравствуй звони
 перекликом «на выход!» вещичек
 от жужжания точильных молитв

колесо искромётно засвищет
я ж не нож я меж пальцев пролит
но ещё кисею раздувая
кукарекаю без поводка
связь помех по жаре штилевая
пузырьками наверх голодна

18

Облака тягучие над Вяткой
будто перья плавкие фламинго
ты забыла — можно быть наглядной
ненаглядной ангельски взаимно —

можно — этот фокус перевернут
и земля небесного разлива
гасит удивленье удивлённых
жжётся обоюдна боязлива

19

Оглядкой уложиться что способно
в затылке (или минимум во лбу)?
Июнь буксует чудище ли обло —
всё без напряжения — выкрутив продлю
и удержу — бояться поздно как бы
стеснениям и захлёбам вопреки
среди липучей тополиной магмы
мы ей не пастухи не двойники
а впрочем что-то есть — ворчат сигналы
зияюще обветрено звено
подъёмы от реки морской усталы
но в две улыбки — с ними заодно
и сквозь неотводимую спасибо
растрёпанную прядку где когда
и поперёк и после недосыпа
лучась круглей по-детски ты горда
...Цвета на светофоре леденцовы
как раз для сладкоежек и зевак

зажмурены или мудры как совы
буль-буль без остановок и звяк-звяк
и головам удвоен вынос мозга
со сдвигами сплетаемых орбит
сама же для себя ты невозможна
и оторваться шаг перенакрыт

20

За полвека ли сколько я там потерял —
с равнодушьем каких-нибудь «ждите»
речевых пересменок платформ одеял?
Ум за разум погряз в аудите

Подкипает мороз белоснежно дразня
супермаркет петардами скрипом
хвоей колется беличья наша стезя
чем-то приторным воздух пропитан

Только самый-пресамый стреляющий миг
тая свечечкой внутрь для баланса
нераскаянно свеж доверительно дик
чиркнуть вечностью не побоялся

21

Свеча горела у окна
стекло коптило
на фоне дерева она
как бы уныло
не помня кто её принёс
и для кого там
излит малиновый мороз
ветвясь по нотам
здесь всё двоится но двоих
след слишком скуден
пружинный он пока притих
огнём в сосуде
теснится свечечка свеча
маяк цитаты
не рты которые крича —

сердца зажаты
разрывом треском всех и вся
неприкасанием
спасаться вредно спать нельзя
давай настанем

22

Пух свежескошен как на сносях
плотные комья
до помешательства не иссяк
пир где укромна
из полыньи понарошку в полынь
сразу двойная
встреча — сожми её или раздвинь —
дышит сгорая
Неопалимый арочный свод
этих пушинок
имя сбывается и предстаёт
вязью служивых
светополос ли нырка за нырком
там где бездонна
ямой оркестров зажата кругом
стереозона
Разницы нет — пережить доживу
как в ручеёчек
одолеваем туннель дежавю
что мироточит
у парашютных решёток у крыш
ныне снесённых
ёкнуло — и прижимаясь двоишь
вязь огласовок
Чертится запах путей кривизна
спуски подъёмы
будет жарынь — с полосой что красна
сколько знакомы
за горизонт что дразнил полыньёй
возраст потёкший
сбрось же забудь — безбалластный живой
горше надёжней

Туча проблеском небесна капель много по стеклу
 у ресепшена сиеста — эти штучки я стерплю
 подняла Земля Святая бровь над глубиною глаз
 семьи воссоединяя без распятого за нас
 вьётся очередь ко гробу на Сионе и пора
 не грузить один к другому полюса любви-добра
 мелководьем при заходе распесочился царь-зной
 вечен миг пружиня вроде линии береговой
 как ни вейся как ни прячься планы выдаст борозда
 через всю ладонь — задачка перекрестьями проста:
 уложила повенчала с прахом тучную полынь
 сморщенные же начала сжались не переморщину
 врозь пережитого давит бриз порой же — твердь
 только этой поздней яви брызг им всем не затереть
 да и поздних ли забуду толп вдоль горизонта джаз
 отовсюду отовсюду вольно за руки держась

Воробьи снуют —
 гимн поводырей
 мачехи простуд
 своднице моей
 жёлтокрасной вспять
 чик-чирикни счёт
 дверь не запирашь
 оклик припечёт
 стайная теплынь
 над водой большой
 заведись отлынь
 внедорожный вой
 треснет плоскодон
 (отчего бы нет)
 слова — на обгон
 и захлёбный свет
 эху поперёк
 вольною виной

ей через порог
обернуться мной
покрасненью дней
на раскат губам —
выветрись отвей
лучше сдайся сам

25

За сизой рекой моя радость за синей рекой
встает небоскрёбными сваями город степной
наш город простора — с дремучих путей не свернуть
вознёсся разросся — рутина и воля и жуть
Паром то и дело к нему развернувшись бухтит
а мы на камнях остаёмся отказом обид
от выхлопов их же от всей этой жилы двойной
какая магнитно трепещет над прорвой-рекой

над брызжуще-близкой где чайка нырнув окуней
ухватит летя будто Демон с Тамарой своей —
сноровкой увлечься авансы бывали даны
есть дно у неё без особой увы глубины
тепла же манящего брызги звенят мельтеша
монистом осины — и доверху жизнь хороша
и омут подъёма одну приливает к другой
реки поперёк моя радость обратной рекой

немного свинцовой как жадная родины гарь
но камни кто врыл для удобства — их не было встарь
статистика стелется трупов нон-стопно вразнос
и берегом берег замыт из-под ветра волос
куда ни причаль всё-то дразнит полоска бела
фасадного рая — мы держим (была не была)
на сходе зажатые тесного трапа толпой
свет в спину рекой моя радость — над стихшей рекой

26

Мы брошены догонять несбывшееся жилище
гуляя рука в руке а будто летим летим

стрельба же (которой нет) вразброд голубями рыщет
и к зёрнышку и вокруг насобранного под ним

Слоится щадящий быт устроясь на перспективу
контракты змеиных лент вода подзамочных ртов
мы тоже сознанием спим (как многие душу живу
спрессованную костями зашившие от понтов)

Мерцательно Рождество досрочны шары висюльки
подсветкам не привыкать потёмкинскую чуму
пирами со всех щитов и площадью бойкой скуки
замыливая трясти огулом нипочему

Отсюда из вневремен последствия этой тряски
ещё перекрутят пульс но вот ведь пока пока
среди громовых фанер смешливо прямым по-царски
нам пальцев не расплести похрустывающих слегка
Уютен миг съёмный наш но вечности нет помимо
за этот ли беспредел сужается смрад кружной
и счастья вновь из одной в другую полна голима
ответственность — высший долг зажмуренный долг-изгой

27

Не фиксирую не спорю
с обознаткой мест
брызги льнут обратно к морю
норд прошьёт зюйд-вест
жизнь бессмертная проста ли
спросим у зеркал
но подвывихнут хрусталик
тот что их разъял
по-другому всё-то настужь
всё-то не без дна
обескрыливая счастьем
плещется спина
на подошвах аватара
след рифлён острой
может ты и не устала —
у осокорей

бурей вырванных рогатых
вдоволь в эту синь
(не спалимся же на датах)
руки руки вскинь
от песчинок ли слепые
ткнувшиеся (позади
сколько бы не пропылили)
грудь к груди

28

Утра взбурлили грабли множатся за кормой
пенной шурша — ослабли зубья его кривой
солоноватой душной линии мятежей
распотрошив игрушкой небом перезалей
толщу прозрачной влаги близким обманном дном
сплюснули сверху сзади узел стихий кругом
схлёбано помаленьку горлышком (пусть не тем)
мачеху няньку нэньку равви кому повем
жадно свежо трепещем фоткой из групповых
твой локоток с предплечьем чуть приглушая вспых
оба занял колена те на каких распят
можно ли откровенно жмурясь туда-назад
всходом на переломе воздухом по воде
остановиться кроме здесь и сейчас нигде?
Благословим зависших ангелов и зевак
праздничных и в затишьях сослепу и за так
бельма помех соринок мёртвую их петлю
резкость ч/б старинных плавится как «люблю»
этой расплав-травую утра сдержав подъём
я навсегда удвою там и начнусь вдвоём

СОДЕРЖАНИЕ

Андрей Пермяков. «Кругами свербя чуден голос...»..... 5

АУКНЕТСЯ

«Потерянные — список тех...»	9
«Снег снежочек влёжку...»	10
Солнцеворот	12
Выпускное.....	13
Школе №92.....	14
Гул	15
«Отпечатывается...»	16
Малая Коммунистическая	17
На палочке	18
Откуда	19
Ноябрь мая и наоборот	20
В школу.....	21
Ветер первых касаний	22
«Дохнул мороз и улицы заныли...»	23
На старт	24
Танцы в Струковском	25
Вечер	26
«Завидую другу — их двор привечала шпана...».....	27
Время	28
Первым ветром весны	29
Какая музыка всплыла	30
Потерян счёт.....	31
Знакомство	32
Там, где	33
Притихло	34
«Когда иду я...».....	35
До всяких войн	36
Заигранные вальсы, остров.....	38
По дороге на позицию.....	39

Пауза.....	40
«Белым-белы ночам ожоги мая...».....	41
Эшелон.....	42
Февраль.....	44
Романс.....	45
Потому что и ночью.....	46
«Кукует к вечности готовясь...».....	47
Ночное.....	48
Что за степь.....	49
«Под рубахой клюётся кусается краденной книжкой...».....	50
Сквозь город.....	51

ПОЦЕЛУЙ

Провинциальная сказка

I. «По улочке Обороны...».....	52
II. «Сыновей у нас двое...».....	53
III. «Муж связист твой полковник...».....	53
IV. «Нипочем Обороне...».....	54
V. «Подняли микрорайоны...».....	55
VI. «В кого на кого забуду...».....	56
VII. « — С-под Орла-то мой орёл...».....	56
VIII. «Гей слои речевые...».....	57
IX. «Кони кони что за кони...».....	58

ЗЕРКАЛО В ЗЕРКАЛЕ

1. «Прими как всё сошлось...».....	59
2. «Разбудил апрель апрель на трамвайном полукруге...».....	59
3. «Ещё деревья солнца не закрыли...».....	60
4. «Ищешь ищешь невольно — и он тебя тут же везде...».....	60
5. «У него к тебе разлука и гордыня — род тротила...».....	61
6. «За вход — если двое — со скидкой гривны...».....	61
7. «Свернулась кровь сворачивайся кровь...».....	62
8. «Зазубрись о крышу бензопила...».....	63
9. «Оглянись — кто подослан...».....	63
10. «Двое — она не против — сели к окну тесней...».....	64

ВХОД И ВЫХОД

I. «Пласт штукатурки осыпается...»	65
II. «Доступности руин пошаговой...»	65
III. «Течёт стоит ли — время фикция...»	65
IV. «Лоскутный шёлк прочнее кабеля...»	66
V. «Черёмушек столбы под разными...»	66
VI. «На волосок они от пафоса...»	67
VII. «Фарфора лики лакированы...»	67
VIII. «себе — и по Рязанке...»	67
IX. «Увы. Спать весело разбродимся...»	68
X. «участливой к издержкам бизнеса...»	68
XI. «Снесённый — тоже твой...»	69
XII. «сама без рук — моё похожее...»	69

ЕЩЕ НЕ

День поступления

1. «До собеседований сколько...»	70
2. «Сложились крылышки стрекозы...»	71
Копия «ГУЛАГа» на веранде	72
«Выскочил голоснул — как же не подвезти...»	73

Предзимье

1. «В очередях чей повивальный крест...»	74
2. «Стекло ночное скрадывает дни...»	74
Кромка Питера	76
Домой	78
Кольцо Садово-золотое	79
« — Нашупали, — внушит Евгений...»	80
Заросший храм	81
«Бор непуган...»	82
Брянщина-80	83
Пустырь	84
Жуковка	85

Из ковальдживских сборищ

1. «Дмитро Лександрович пригож...»	86
2. «Длинный стол не оставил нам тыла...»	86
После	88
«От Святого Колодца юлила тропа — никого...»	90

Колодец	91
Из триптиха Парщикова	92
Полукольцом	93
На фоне волейбола	95
«Автобусик трясётся едет...»	93
Переключка	97
«В наших широтах — они же высотах...»	98
«Бессмысленна беседа вряд ли...»	99
Трос через речку Юг	
1. «Из-под мостка путём улитки...»	100
2. «От в кучу согнанных кроватей...»	100
3. «Отсюда с птичьего надлома...»	101
4. «Стояньё силы мать родная...»	101
Вербa	102
Раздвоение	103
Гражданство	104
«Сочтёмся счастьями, Бахыт...»	105
Командировка	106
На слом стены	108
Венец экскурсии	109
«Разъехались заужжали — так предреклось друзья...»	110
«Жёлудь в миске оловянной оболванен стрижен ёж...»	111
Август. День первый	112
Снос	113
«Сиренами расшевелило хворост...»	114
И всё же, всё же	115
«Просёлочная щебень кучкой — зато стозвонен звукоряд...»	116
«Не различим с районной с трассы...»	117
Берлин	119
Плакат у вокзала	120
Германия	121
Гроза на бывшей вражьей	122
Автоответчик	123
В полях за Рейном сонным	124
Город	125
Знак	126
«Жигули привнёс Иерусалим...»	127
Вдоль старицы	128
«М. М. километров меж нами — рыбак размахнись...»	129
Осенний спуск	130

«Вслед за порошею ползучею...».....	131
Пигмалиону.....	132
Как всех перевезти.....	133
«Не будем ковырять...».....	134
Повторы, повторы.....	135
«Каток ледок — пропал урок...».....	136
Здесь всё.....	137
«Не прилажена рифма...».....	138
Пролетая над пеклом.....	139
Суббота.....	140
«Придирчив я ревнив...».....	141
«Наивные — а замечали...».....	142

ЗАНЕСЁННЫЙ ШАГ

1. «За стыдливый спрячусь букет...».....	143
2. «Зал полуподвален местечко есть...».....	144
3. «Есть сезон охот охроу расшит...».....	145
4. « — Нереально! Ты — вправду ты?...».....	146
5. « — Кофе сделай? Пожалуйста! — просьба сна...».....	147

ТРЕТИЙ ФРОНТ

1. «Поворотись — страна ли?...».....	149
2. «Задубели каратели — ждать...».....	149
3. «Гарь сплошная гарь кровава...».....	150
4. «Вавилоны штабеля покрышек...».....	150
5. «Адреналину — чуть назад...».....	151
6. «Фингал аптека ночь с востока...».....	152
7. «Поздно поздно про Галича...».....	152
8. «Посреди акбар шалома...».....	153
9. «Большим Кремлёвским коврик спущен...».....	155
10. «Ой везёт России всё-то ей не впрок...».....	155
11. «И легковерны но и твердоглазы...».....	156
12. «Ныряю без контракта я в серо-чёрный нал...».....	156
13. «Светло но присмотрись — ни зги...».....	157
14. «К залётному “Боингу” чуток расклад...».....	158
15. «Окраины панельны и бесполы...».....	158
16. «Антиугон “Мангуст” на страже — не вопрос...».....	159

17. «бостонам смешно пекинам...».....	159
18. «Русь закругляешься ЭрЭфией...».....	160
19. «В очередь русские разве насилуют...».....	160
20. «Под ковёр да и на клирос...»	161
21. «Мобилизация как ни ускорится...»	162
22. «У слоёв атмосферы пронизанность сочная...»	163
23. «Загвоздка всё-таки в стране...».....	164
24. «До свидания давай...»	164
25. «Гневом наелись?...»	165
26. «Кизяком надымят кальяном...»	165
27. «Случай — или воздаяние...».....	166
28. «Ещё польска не сгинела...»	167
29. «Не война сдавит мир...».....	168
30. «Крошево жижу двора...».....	168
31. «Алтарей не скрыть...»	169
32. «Убеждённой ходьбою пробит коридор...»	169
33. «Лгать красиво догоните с Богом ждать побед...».....	170
34. «Судьбой подброшены...».....	171
35. «Если сверху зеро — шаг в метро...»	172
36. «Был изъян — болевые основы не трогали...»	172
37. «На смену Февралю загон из белых лент...».....	173
38. «Да — наше фейк-имперство...»	173
39. «Поэзию срам не имеет...»	175
40. «В четырнадцатом спрячется...»	176

ЯНВАРЬ НА ПЕРЕВАЛЕ

Памяти С. Параджанова	177

ТОЧЕЧНО

«Растаяли пути пробитые...»	182
«Без отзыва — от батарей...»	183
Из доокупационных стансов	
I. «Окошко без стекла штиль серебрист спросонья...».....	184
II. «Отроги позамёл зудит чабрец попутный...»	184
III. «Замрём посередине испариной в полыни...».....	184
Сад-Петербург	185
Высоцкий.....	186
Сразу после казарм	187

СЛЕД

(I)

1. «Доверчивы запястья под жгуты...»	188
2. «Очнёмся — пригласили сообщить...»	188
3. «Ещё незначительный, безбородый...»	189
4. «А я вот на отшибе жду комет...»	190
5. «...но для чего же...»	190
6. «Диагональ картона — остров бурый...»	191
7. «Я выгляжу пространством этой кухни...»	192
8. «под потолок вздуваемые шторы...»	192
9. «Сипит кофемашина — ланч, Манхеттен...»	193
10. «От дачного забора прыг — Свободен?...»	194
11. «Уж сколько раз кровь то смиренней, то брызжа...»	195

(II)

12. «...А Ольге Йонас...»	195
13. «Он сжался: фальшью фальшь — и фальши нет...»	196
14. «...Стол раздвижной в Печатниках сведи нас...»	196
15. «...А из иллюминатора дремоту...»	197
16. «Любимый человеке, Йонас мой...»	197
17. «Нет от земли вестей — былинки разве...»	198
18. «...Труслив, что сжался, не искал, отбросил...»	200
19. «Саднящих расставаний от фантомных...»	202
20. «Колесики юлят, груба клеенка...»	204
21. «...Вынюхивает холод, перепончат...»	205
22. «Из бисерной игры обратно в греки...»	206

(III)

23. «Не те же ли, с Чертановской постели...»	206
24. «...Ладно, гут!...»	207
25. «Дитю, с дитём и без детей, живьём...»	207
26. «С четвёртой группой и тромбофлебитом...»	208
27. «На лобовых Учителя Большого...»	209
28. «Иди же! — отгоняет и уходит...»	209
29. «...Иголочка бодается, тупась...»	210
30. «...Как, Ольга, часто за твоим лицом...»	211

31. «...Ты не от взморья, не от янтаря...»	211
32. «...По мрамору поедет «ящик», чтоб...»	212
33. «...подхватываешь у весны сморённой...»	213

ДА

1. «На “ОМ”-ике предплечьями...»	215
2. «Клад ли где дыряв а где припрятан...»	215
3. «Понимать не обязательно...»	216
4. «Нам одолеть не без труда...»	217
5. «То фоткаясь то внеогляд...»	217
6. «смиранный зверь... Но кроме нас...»	218
7. «Всё не вечно а извечна...»	218
8. «Колокола депо трамвайное...»	219
9. «Сон росой примяло — и день потерян...»	219
10. «Усушен до грязи сугробы соскрёб апрель...»	220
11. «То бездыханен снег без пущей важности...»	220
12. «Приторможенные наледью...»	221
13. «Безрыбье добрых ли каких...»	222
14. «Мы ничего не выбирали...»	222
15. «Порасчертили так и оставим...»	223
16. «Километр по прямой до залива...»	224
17. «Петухи как сигнальщики-мины...»	224
18. «Облака тягучие над Вяткой...»	225
19. «Оглядкой уложиться что способно...»	225
20. «За полвека ли сколько я там потерял...»	226
21. «Свеча горела у окна...»	226
22. «Пух свежескошен как на сносях...»	227
23. «Туча проблеском небесна капель много по стеклу...»	228
24. «Воробы снуют...»	228
25. «За сизой рекой моя радость за синей рекой...»	229
26. «Мы брошены догонять несбывшееся жилище...»	229
27. «Не фиксирую не спорю...»	230
28. «Утра взбурили грабли множатся за кормой...»	231

Літературно-художнє видання

СЕРІЯ «Бібліотека “Крещатика”»
Заснована у 2023 році

Александр САМАРЦЕВ

ТАМ И НАЧНУСЬ

(російською мовою)

Макет обкладинки і верстка
Друкарський двір Олега Федорова
Формат 60x84 1/16, Наклад 200 прим. Зам. № 4095
Папір 80 офсет. Друк цифровий. Ум. друк. арк. 14,5
Гарнітура «Cambria».
Підписано до друку 29.04.2025 р.

Видавець Федоров О. М.,
«Друкарський двір Олега Федорова»
Адреса: а/я 24, Київ-205, 04205, Україна,
e-mail: relaks-oleg@ukr.net
Свідоцтво про внесення до Державного реєстру видавців,
виготовлювачів і розповсюджувачів видавничої продукції
серія ДК № 3668 від 14.01.2010 р.

Віддруковано в друкарні ТОВ «7БЦ»
Адреса: 07400, Київська обл.,
м. Бровари, б-р Незалежності, 2/148
Свідоцтво про внесення до Державного реєстру видавців,
виготовлювачів і розповсюджувачів видавничої продукції
серія ДК № 5329 від 11.04.2017 р.

Александр САМАРЦЕВ москвич в первом поколении (отец уроженец Одессы, окончил Харьковский Механико-машиностроительный, мать, выпускница 2-го Московского Мединститута, появилась на свет в южноуральском Троицке, где предки её, покинув Украину, проживали уже со второй половины XIX века). Семья обосновалась в Куйбышеве, там же Самарцев с дипломом Авиационного института (факультет двигателестроения), отработал в КБ чуть больше трёх лет, после чего вернулся в Москву, сумев годом ранее (1974) поступить на заочную режиссуру училища им. Щукина при Вахтанговском театре. Но профессионалом в итоге так и не стал, выбор был сделан в пользу литературы, конкретно, поэзии. В середине 90-х Самарцев обитает в Кёльне, регулярно выступает в программе радио «Свобода» «Писатели у микрофона», затем в послужном списке появилось телевидение (канал ТВЦ, шеф-редактор отдела спецпроектов). Именно тогда стали появляться основные поэтические публикации («Новый мир», альманах «Золотой Век», «Новый журнал», «Интерпоэзия», «Крещатик», «Эмигрантская лира», другие печатные и сетевые издания), выходят книги (из восьми поэтических четыре вышли в Украине, последняя в Израиле — «Легион», 2024). В январе 2014 Александр оказался свидетелем четырех дней Майдана, приняв который всем сердцем уже не мог продолжать номинальное существование россиянина, став гражданином Украины.

ПЕЧАТНИЦА
ОЛЕГА ФЕДОРОВА

9 786178 484095